

Судьба № 5

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

испытание ч у в с т в

Татьяна Корсакова

Судьба № 5

«Автор»

2012

Корсакова Т. В.

Судьба № 5 / Т. В. Корсакова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-60481-4

Клим считал себя счастливым и легко соглашался сыграть с судьбой в очередную лотерею, а потому на спор вызвался пригласить с собой на дачу первую встречную. Вернее, пятую, потому что пять – заветная, выигрышная для Клина цифра. Однако на этот раз фортуна предала своего баловня. Разве очкастая, нелепо одетая, невзрачная девица может стать его судьбой?.. А у фортуны тем временем имелись свои собственные планы.

ISBN 978-5-699-60481-4

© Корсакова Т. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Корсакова

Судьба № 5

*Не оставить судьбе
ни единого шанса*

Часть 1

Номер один была хороша: ноги умопомрачительной длины, короткая юбочка, пышная грудь в вырезе продуманно расстегнутой блузки и симпатичная веснушчатая мордашка. Клим досадливо покачал головой – эх, жаль, что номер один ему не подходит.

Номер два оказалась похуже: ноги покороче, а юбка, наоборот, подлиннее, и бюст хоть и пышный, но все равно какой-то малоаппетитный, и личико так себе – в общем, не красавица, но в принципе – ничего.

Зато номер три! Какая досада, что эта богиня всего лишь номер три, а не номер пять! Никаких тебе вызывающе коротких юбочек и призывно расстегнутых пуговиц – все во сто крат элегантнее и во сто крат заманчивее. Узкая талия, узкие джинсы, узкие бедра, узкие щиколотки, изящная цепочка на стройной лодыжке. Топ, целомудренно обтягивающий задорную девичью грудь, но оставляющий открытым загорелый животик с колечком в пупке. Лицо античной богини и белые-белые, длинные-длинные волосы. Блондинки с длинными волосами всегда являлись его слабостью, а уж такие привлекательные – и подавно...

Пыл и разгулявшееся воображение остудил номер четвертый. Девушка была, мягко говоря, некрасива: толста, неопрятна, с ежиком коротко стриженных волос мышиного цвета, с ноздреватой, лоснящейся кожей. Клим мысленно перекрестился и поблагодарил небеса, что это всего лишь номер четвертый и у него остается еще один шанс.

А потом он увидел номер пятый и тихо взвыл...

Да что же это такое?! Да куда же смотрит его судьба?! Ну нельзя же так издеваться над человеком!..

Номер пять была немногим привлекательнее номера четвертого и гораздо менее привлекательнее первых двух. А уж с богиней под номером три это пугало и сравнивать грешно.

Номер пять даже на девушку была не слишком похожа. На ее принадлежность к прекрасному полу намекала лишь уродливая плиссированная юбка до пят. Небесно-голубые цветочки, рассыпанные по подолу, нелепо выглядели рядом с выдавшей виды джинсовкой, застегнутой, несмотря на жару, на все пуговицы. Ансамбль дополняли тяжелые боты, едва ли не более уродливые, чем плиссированная юбка. Лица своей судьбы он с перепугу не разглядел, увидел лишь тонкую цыплячью шею, торчащую из ворота джинсовки, да очки в роговой оправе.

– Климущка, да ты влип! – послышался за спиной ехидный голосок Дашки.

Влип! Сто процентов – влип! И если еще секунду назад в душе теплилась робкая надежда, что честная компания отвлечется и ему представится возможность смухлевать, подсунуть вместо уродины под пятым номером какую-нибудь другую девушку, то теперь уже точно – все. Влип...

И ведь сам виноват! Никто за язык не тянул. Нет, определенно сегодня не его день. Ведь с самого утра не заладилось. Штатная подружка Маринка заболела ангиной и оставила Клим на весь предстоящий уикенд без пары. А как ему без пары, если на дворе лето, самая распоследняя сессия в институте сдана на все пятерки, родители укатали в Женеву, оставив в его полное распоряжение загородный дом, а багажник его новенькой машины забит бутылками коньяка, виски, мексиканской самогонки и банального шампанского? Жизнь бьет клю-

чом, гормоны бушуют, а пары, чтобы сполна насладиться всеми прелестями жизни, нет! И Маринка, зараза, сообщила о своей проклятой ангине всего лишь час назад. Наверняка специально, чтобы у него не осталось времени подыскать ей замену. Маринка, она такая, – язва и стерва. Не будь она так чертовски хороша, не будь она самой что ни на есть натуральной блондинкой, Клим вряд ли стал бы терпеть все ее выверты на протяжении вот уже шести месяцев. Ну ничего, этой своей выходкой подруга переполнила чашу его терпения. Клим решил, что непременно, во что бы то ни стало найдет ей замену. На «раз, два, три» найдет. Нет, не на «раз, два, три», а на «раз, два, три, четыре, пять»! Потому что «пять» – это его счастливое число. Начать хотя бы с того, что родился он пятого мая, всю жизнь прожил в доме № 5 в пятой квартире, учился в школе № 555, сдавал все экзамены исключительно на пятерки и билеты на экзаменах тянул пятые слева. Он всегда и везде выбирал номер 5, и судьба неизменно ему благоволила – под пятым номером оказывалось все самое лучшее, все самое нужное.

А сегодня вышел облом: под номером пять обнаружилась уродина в плиссированной юбке и джинсовке с чужого плеча. Чем-то он судьбу прогневил...

Это Дашка поймала его на слове, предложила поиграть с фортуной в считалочки, а он, дурак, повелся. Нужно было сразу отказываться.

Дашка, младшая сестра его лучшего друга Витьки, которого мама Клима звала исключительно Виктором, а многочисленные подружки по-западному романтично – Виком, была той еще язвой, похлеще Маринки. Клим подозревал, что и игрища эти она устроила нарочно, в отместку за то, что Клим относится к ней всего лишь как к младшей сестренке своего лучшего друга. Сама Дашка маленькой себя никогда не считала. Даже в десятилетнем возрасте она полагала себя очень взрослой, очень умной, очень красивой и сексапильной и не упускала ни единой возможности испытать на Климе силу своих чар. В десять лет чары эти были еще слабыми и неубедительными, но, по мере того как девчонка выросла, они крепили и набирали силу. Она уже сейчас, в неполные восемнадцать, казалась более чем хорошенькой, а годам к двадцати обещала стать настоящей красавицей. Клим, наверное, не устоял бы, если бы не Виктор. Виктор, прекрасно знавший все темные стороны его души, заводил шашни с Дашкой запретил категорически: «Не хватало еще, чтобы моя родная сестра из-за тебя, кобеля, убивалась. Баб вокруг полно, вот ими и занимайся, а про Дашку даже не помышляй».

Мужская дружба всегда очень важна, а когда тебе двадцать два, это архиважно, и Клим данное Виктору обещание держал, к Дашке относился исключительно как к младшей сестре лучшего друга. А она бесилась...

– А не слабо ли тебе, Климушка, взять с собой на дачу первую встречную?

Все самые бессмысленные авантюры начинаются с фразы: «А не слабо ли тебе?» Ему бы проявить благоразумие, не идти на поводу у капризной девчонки, а он, дурак, пошел.

– Первую встречную слабо, а вот пятую встречную – пожалуйста.

– Ну конечно, пятую! – Даша скептически фыркнула: его страсть к цифре «пять» ни для кого не была секретом, а потом ее хорошенькая мордашка расплылась в озорной улыбке. – Ну что ж, Климушка, за язык тебя никто не тянул. Пятая так пятая. Значит, договорились – проведешь эту ночь с пятой встречной. – Она протянула Климу узкую ладошку. – Идет?

Он молча пожал ее руку.

– А если пятым окажется мужик? – подал голос Виктор. – Тогда ночь с мужиком?

– Брр... – Клим торопливо перекрестился, сказал с укором: – Что ты несешь? А еще друг называется.

– А где будем подыскивать кандидаток? – резонно спросил Илья Иволгин, самый разумный и здравомыслящий человек в их компании.

– Есть одно место. – Даша загадочно улыбнулась...

Они стояли у иняза, все десять человек, и громко спорили.

– Когда я скажу «старт», начнется отсчет. Твоей судьбой на эту ночь станет пятая девушка, которая выйдет из здания. – Даша весьма чувствительно ткнула Клима локтем в бок. Народ одобрительно загудел, предчувствуя небывалое развлечение.

– А если из здания выйдут сразу две судьбы? – заржал Димка Лагода, не так чтобы очень хороший друг, но проверенный в бою товарищ.

– Если сразу две, значит, Клим действительно везунчик, – усмехнулся Виктор.

– На две согласен. – Клим подмигнул Даше, та презрительно наморщила носик.

– А у меня вот вопрос по существу, – подал голос рассудительный Иван. – Как заставить Климову судьбу провести ночь в такой сомнительной компании?

– Не веришь в мое дьявольское обаяние? – Клим покосился на здание иныа – пока что из его дверей выпархивали весьма привлекательные барышни, значит, шансы высоки.

Даша посмотрела на часы, нетерпеливо топнула ножкой:

– Тихо, дурни! У меня есть план...

Дашкин план оказался простым и коварным одновременно. Оказалось, что к иныау девушка притащила их не просто так: выяснилось, что она занимается здесь на подготовительных курсах, и через минуту-другую у ее группы закончится лекция и девицы-красавицы потянутся к выходу. Вот тогда она и даст отмашку.

– Личное обаяние включать не придется, – сказала она снисходительно. – С Климушкиной судьбой я как-нибудь сама договорюсь.

– И все твои подружки – такие вот доступные, соглашаются на романтический вечер с первым встречным, только пальцем помани? – съязвил Клим.

– Во-первых, они мне не подружки. – Даша поморщилась. – Во-вторых, они не доступные, а просто глупые. А в-третьих, скажу этой дуре под пятым номером, что ты на нее давно запал. – Она улыбнулась, хищно блеснули острые белые зубки.

Клим разочарованно покачал головой: в который уже раз ему приходится убеждаться в том, что женщины – существа коварные и злые, даже Дашка. А она еще далеко не самая пропадающая представительница прекрасного пола...

– Приготовились! Внимание! Старт! – Даша взмахнула отобранной у брата банданой, и вся компания затаила дыхание. Начался отсчет...

...Нет, такого свинства он от судьбы не ожидал! Судьба сыграла с ним злую шутку.

– Что это?! – потрясенно прошептал Клим, с обреченностью приговоренного на смерть изучая синие цветочки на подоле плиссированной юбки кандидатки под номером пять.

– Это твоя судьба, Климушка, – заявила страшно довольная собой и произошедшим Дашка. – Это зовут Алька. Славный выбор, мои поздравления!

Клим перевел взгляд на друзей. Все стояли с каменными лицами, наверное, тоже еще не до конца поверили в происходящее.

– А может, переиграем? – робко предложил он.

– Нет уж, Климушка, я пошла окучивать нашу жертву! – Дашка широко улыбнулась и направилась к замешкавшемуся на крыльце иныа пугалу в плиссированной юбке.

Занятие было последним. Не в смысле последним на этой неделе, а вообще – последним. Через восемь дней – вступительные экзамены. Алиса Волкова прижала к груди папку с конспектами, радостно улыбнулась. Сегодня был по-настоящему чудесный день: яркий, солнечный, пахнущий свободой. Такие дни в жизни Алисы случались нечасто. Ну, может, только в раннем детстве, когда родители еще были нормальными, когда не следили яро «за чистотой помыслов и деяний». Тогда Алисе с сестрой Мелисой разрешалось ходить в коротких юбочках, громко смеяться и даже смотреть телевизор. Собственно, и их необычные имена оттуда – из счастливого разноцветного прошлого. Мелиса и Алиса – красивые, сказочные имена. Ничего общего с нынешними унылыми Мила и Аля. Полные имена теперь под запретом, как напоми-

нение о несправедливом родительском прошлом. И короткие юбки тоже под запретом, и громкий смех, и друзья, и телевизор, и украшения, и косметика. Девушкам уже почти восемнадцать, и хочется быть красивыми, и нравиться мальчикам. А мама говорит – все это бесовское. А папа готов убить за контрабандный тюбик губной помады. И оба они заставляют их с сестрой часами молиться своему жестокому богу, который запрещает молоденьким девушкам смеяться и носить мини-юбки...

Алиса тряхнула головой, отгоняя грустные мысли. Сегодня день свободы: мама и папа укатили куда-то в Подмоскovie, на встречу с самим Пророком, и вернутся только послезавтра.

Мелиса сразу же воспользовалась этой неожиданно свалившейся на голову свободой: достала из тайника, устроенного на чердаке, короткие джинсовые шорты и губную помаду, завязала футболку узлом под грудью, так что стал виден бледный, незнакомый с солнечными лучами живот, распустила волосы и отправилась гулять. Просто так, по городу. Были бы друзья – пошла бы с ними, но друзей родительский бог не признавал, и пришлось гулять одной. Она и Алису с собой звала, но сестра, как старшая и более ответственная, отказалась, оделась как обычно, собрала конспекты и отправилась на занятия. Правда, послабление себе сделала – чего уж там: под насмешливо-снисходительным взглядом младшей сестры нарисовала губы розовой помадой, неумело, не с первой и даже не со второй попытки. Сказывалось отсутствие практики.

– Ночевать не приду, – бросила Мелиса на прощание.

– Как?! – испугалась Алиса.

– А вот так! – Сестра хитро улыбнулась. – Надоело чувствовать себя синим чулком, буду всю ночь тусоваться!

С кем собирается «тусоваться» младшая сестра, Алиса спрашивать не стала: все равно ведь не расскажет. Отговаривать ее тоже не решила: знала, что Мелиса даже слушать не станет. Лишь бросила испуганный взгляд на чающую лампадку в углу гостиной. Всевидающее око – вот как называли лампадку родители. Они с детства пугали дочек этим «всевидающим оком», а еще карой за ослушание. Мелиса перехватила взгляд сестры, понимающе усмехнулась и загасила лампадку.

– Все! – сказала с вызовом. – Теперь можно блудить сколько вздумается, никто не увидит.

Алиса от выходки сестры оторопела. Даже за куда меньшие провинности отец их жестоко наказывал: иногда четырехчасовым стоянием на коленях, иногда ремнем, иногда голодом. А тут – такое богохульство...

– Не дрейфь, Алька, – Мелиса легкомысленно махнула рукой. – К их возвращению зажжем «око» по новой.

На лицо упал солнечный лучик, Алиса зажмурилась от удовольствия. Воздух свободы пьянил, подстрекал если не к открытому бунту, то уж точно – к неповиновению.

– Алька! Привет! – вернул ее на землю звонкий голос.

Алиса с неохотой открыла глаза – перед ней стояла Даша Стешко. Воздух свободы имел аромат французских духов. Даша была не просто девушкой из другого социального слоя, она была девушкой из другого мира. Мира модных вещей, раскованных улыбок и свободных красивых людей. Никогда раньше их с Дашей дорожки не пересекались, Алиса даже удивилась, что та знает, как ее зовут.

– Занятия уже закончились? – Даша улыбнулась ей, как старой знакомой.

Алиса молча кивнула.

– А я вот проспала. Представляешь?

– Бывает. – Она уже хотела уходить, когда Даша преградила ей дорогу и сказала заговорщицким шепотом:

– Аль, а я ведь к тебе не просто так пристаю. Я к тебе пристаю по поручению вон того молодого человека. – Она махнула рукой в сторону стоявшей невдалеке компании. Парней в компании было пятеро, и каждый из них смотрел на Алису с любопытством. Нет, не каждый: во взгляде одного, высокого шатена, красивого до умопомрачения, помимо любопытства было еще что-то. Удивление? Настороженность?

Алиса отвернулась, тряхнула головой – недосуг ей заниматься всякой ерундой. Она же не дурушка, прекрасно понимает, что любой из этой пятерки может заинтересоваться кем угодно, только не ею. Да и зачем она им? У них уже вон есть девушки: красивые, стильные, несмотря на начало лета, загорелые.

– Пойду я, – сказала она решительно.

– Куда? – вдруг всполошилась Даша. – Аль, он же мне голову открутит, если я вас не познакомлю! Он, между прочим, давно по тебе сохнет, только подойти стесняется. Вот меня отправил на переговоры, как посла доброй воли.

– Кто – он-то? – спросила Алиса потрясенно.

– Да вон тот, в синей майке. Видишь, как он на тебя смотрит? Волнуется, бедный.

– Этот? – Алиса скептически хмыкнула. – Думаешь, я тебе поверю?

– Можешь не верить. – Даша обиженно пожала плечами. – Просто познакомься с ним. Ну что тебе стоит?

– Зачем? – Алиса бросила быстрый взгляд на шатена в синей футболке. Он заметил, помахал рукой, остальные нерешительно заулыбались.

– Что «зачем»? – переспросила Даша.

– Зачем мне с ним знакомиться?

Даша тяжело вздохнула, подняла глаза к небу:

– Ты что, блин, дура? Зачем люди знакомятся? Для того чтобы общаться, дружить... Или у вас на Марсе по-другому?

Вообще-то у них на Марсе знакомиться с мальчиками было не принято. Да что там – не принято: запрещено категорически. Всевидящее око и все такое... Вот из-за того, что у них на Марсе такие строгие правила, Алиса совершенно ничего не знает о настоящей жизни. Может, у нормальных людей все намного проще, чем у них, марсиан? Может, нет ничего удивительного в том, что парень хочет познакомиться с девушкой? Ну и что, что он красивый, а она страшенькая? Ведь родители любят повторять, что в человеке главное не то, как он выглядит, а его душа...

– ...Влюбился он в тебя. Понимаешь? – Даша больше не смотрела в небо, изучала ее, Алису. За темными стеклами ее солнцезащитных очков не было видно глаз, но девушка чувствовала – изучает. – Он лучший друг моего старшего брата, того, что в протертых джинсах. Он уже брату все уши о тебе прожужжал.

– А как он?... – Алиса запнулась.

– Его Климом зовут, – подсказала Даша.

– А как... Клим меня...

– Как он на тебя запал? – закончила за нее Даша.

Алиса кивнула, почувствовав, что краснеет.

– Все очень просто! – Даша покровительственно улыбнулась. – Они с Виком, моим братом, подвозили меня пару раз к институту, вот тогда Клим тебя увидел и запал. Он с тех пор не дает мне жизни. Мы к нему на дачу собрались, а он без тебя ехать отказывается. Алька, выручай, будь человеком! От тебя-то и не требуется ничего особенного – просто познакомься с этим влюбленным дураком, прошвырнись с нами на дачу, а дальше – как карта ляжет.

– Что значит «как карта ляжет»? – осторожно поинтересовалась Алиса, косясь в сторону компании.

– Ну, если Клим покажется тебе неинтересным, вы просто разбежитесь, а если вы другу понравитесь, тогда... – Даша многозначительно замолчала.

Вот он, день свободы! Всевидящее око временно ослепло, зато на нее смотрит потрясающе красивый парень. Клим... Даша сказала, что его зовут Клим. И он не просто так смотрит, а хочет познакомиться, приглашает в путешествие. Есть ли здесь какой-то подвох? Алиса нахмурилась. Принято ли в этом свободном мире вот так, запросто, заводить знакомства? Считается ли это приличным? Если бы ей разрешали смотреть телевизор или читать романы о любви, то, возможно, она знала бы точно, а так приходилось полагаться на интуицию.

Интуиция, как назло, молчала. Зато сердце бешено трепыхалось в груди и жаждало приключений. В ее скучной праведной жизни не было ни одного приключения и, уж конечно, ни одного парня, желавшего разделить с ней эти гипотетические приключения. Родители вернутся только завтра вечером, а сейчас еще только полдень. И не случится ничего плохого, если она хоть одним глазком заглянет в настоящий мир. Алиса, рассудительная и осторожная, неожиданно для себя решила.

– А ты поедешь? – спросила она Дашу.

Та в ответ широко улыбнулась:

– Поеду, поеду, можешь не сомневаться. Я так понимаю, ты согласна?

Алиса мысленно обозвала себя авантюристкой и молча кивнула.

– Ну, тогда пошли. – Даша подхватила ее под руку, потащила к своим друзьям. – Ребята, познакомьтесь, это Аля!

Она чувствовала себя страшно неловко под пристальными взглядами десяти пар глаз, но отступить было уже поздно. И потом, в устремленных на нее взглядах не было недоброжелательности, только любопытство и нескрываемое веселье. Ничего удивительного: ребята собрались на дачу, у них должно быть хорошее настроение...

– А это тот самый несчастный влюбленный, о котором я тебе рассказывала. – Даша бесцеремонно ткнула шатена в бок. Наверное, толчок получился слишком сильным, потому что тот болезненно поморщился и улыбнулся Алисе кривоватой, отнюдь не приветливой улыбкой.

– Очень приятно, – сказал он и протянул широкую ладонь.

У нее была маленькая влажная ладошка. Клим едва удержался, чтобы после рукопожатия не вытереть руку о джинсы. Вблизи она оказалась никакой. Из-за черных волос, небрежными рванными прядями спадающих на лицо, это самое лицо было не разглядеть, просматривались только покрашенные уродливой розовой помадой губы да подбородок с ямочкой. Очки в роговой оправе тоже обзору не способствовали. Да и что ее разглядывать?! И так видно, что пугало. Нет, не пугало, а волчонок, напуганный, растрепанный, неухоженный. Клим скользнул взглядом по отливающим синевой волосам, задержался на худенькой шее, с интересом заправского антиквара поизучал расчудесную дерматиновую папочку. Да, судьба на него за что-то прогневалась, коль подсунула в качестве сердечной подружки это чудо в допотопной плиссированной юбочке.

– Ну, что же мы тут стоим?! – хлопнула в ладоши коварная Дашка. – Климашка, приглашай даму в машину. – Она снова толкнула его в бок, ободряюще подмигнула Пугалу. Пугало потупило очи и залилось краской смущения. Клим едва удержался от желания развернуть эту скромницу к лесу передом, к себе задом и, придав ей ускорения хорошим пинком пониже талии, отправить куда подальше. Вместо этого он с максимально возможной в сложившейся ситуации галантностью предложил «даме» ручку, сопровождал к своему новенькому «мерсу», услужливо распахнул перед ней дверцу.

«Дама» забиралась в машину неуклюже – чувствовалось отсутствие какой бы то ни было практики. Клим, подавив уже готовый вырваться стон, уселся за руль. Хихикающая Дашка, Виктор и Иван расположились на заднем сиденье. Week-end начался.

Пугало сидело тихо, как мышка, прижимало к животу свою дерматиновую папочку, в разговоре участия не принимало, на попытки познакомиться поближе отвечала робко и односложно. На хрена они вообще ее с собой взяли, только место занимает...

Как-то не так она представляла себе влюбленного мужчину. Сказочный принц виделся ей улыбочивым и добрым, опекающим свою даму, ограждающим ее от всех невзгод. А этот... а Клим выглядел мрачным и чем-то озабоченным. Может, так же, как и она сама, стесняется? Что она вообще знает о сказочных принцах? Ни-че-го! Это же совсем другой мир. В этом мире она очутилась по чистой случайности, вытянула счастливый билетик в лотерею. А может, это не случайность, а судьба? Может, этот день станет для нее началом другой жизни?

Ехали долго, целый час. За это время Алиса успела немного освоиться, на хмурого Клина поглядывала теперь без страха, даже с любопытством. Красивый. Волосы, по мужским меркам, – длинные, зачесаны назад. Черты лица не слишком правильные: нос с горбинкой, нижняя челюсть чуть тяжеловесна, пробивающаяся на щеках и подбородке щетина отликает рыжим, глаза серые и холодные, как северное море. Руки мускулистые, загорелые, с синими прожилками вен. Такой мужчина должен нравиться женщинам, наверное.

И машина у него красивая. И в салоне пахнет очень вкусно: нагретой кожей, духами и еще чем-то, не поддающимся классификации. Интересно, какой марки у него автомобиль? Можно было бы спросить, но Аля постеснялась. Попробует выяснить потом, когда они познакомятся поближе.

Машина, марки которой девушка не знала, въехала наконец на территорию дачного поселка. Наверное, Алиса как-то неправильно представляла себе дачу. В ее представлении дача – это уютный деревянный домик с выкрашенными в небесно-голубой цвет ставнями, окруженный старым яблоневым садом. А в саду обязательно есть самодельные качели или гамак, чтобы качаться и сквозь прорехи в изумрудной листве смотреть на подкрашенное золотом небо. Вот такой Алисе виделась дача. Оказалось, что девушка заблуждалась. Настоящая дача – это двухэтажный кирпичный особняк под ярко-красной черепичной крышей, ощерившийся антеннами спутникового телевидения и камерами наблюдения. А яблоневый сад? Да кто ж поймет, есть за этим четырехметровым забором хоть одно деревце? Алисе вдруг стало не по себе. Оказывается, другой мир тоже не лишен недостатков.

Клим заглушил мотор перед одним из таких вот кирпичных монстров. Алиса с тоской посмотрела на высоченные стальные ворота. Это дача?! И зачем, спрашивается, выезжать из каменных городских джунглей, чтобы оказаться точно в таких же джунглях, только поменьше? А где природа?..

– Приехали. – Клим бросил на нее быстрый взгляд, натянуто улыбнулся в ответ на ее смущенно-вопросительную улыбку. – Это дача, – развеял он сомнения девушки.

Алиса кивнула. На заднем сиденье началась возня: задремавшая было Даша проснулась и теперь рвалась на волю. Виктор пытался унять внезапно активизировавшуюся младшую сестру. Иван, весь путь прошедший в меланхолических раздумьях, распахнул заднюю дверцу, впуская в салон пьяняще-сладкий загородный воздух. Алиса сделала глубокий вдох, блаженно прикрыла глаза. Воздух, в отличие от дачи, ее не разочаровал. Пахло свежескошенной травой, лесом и, кажется, речкой.

– Ну, выходим, что ли? – бодрым голосом сказал Клим, перегнулся через Алису и распахнул дверцу с ее стороны. Всего лишь на долю секунды его рука легла на ее колено, но этого хватило, чтобы Алиса покрылась нездоровым румянцем. Ее смущение не осталось незамеченным. Клим усмехнулся, удивленно и немного цинично. Виктор подмигнул ободряюще. Даша насмешливо покачала головой, а меланхолический Иван сказал, что у некоторых девушек очень лабильная вегетативная нервная система. Что это означало, Алиса не поняла, но по тону догадалась, что ничего обидного в высказывании нет.

От дальнейших мучений ее избавили остальные члены команды, подтянувшиеся к «даче» еще на двух машинах. Началась суeta. Народ выгружался из машин сам, вытаскивал привезенные съестные и спиртные припасы. От количества последних Алису бросило в холод. Родители называли алкоголь напитком дьявола, и в этом она была с ними полностью согласна, потому что собственными глазами видела, во что превратила водка старшего маминого брата, дядю Игоря. А тут столько всего, и в таких невероятных количествах! Алиса произвела в уме несложные арифметические подсчеты и ужаснулась. Получалось, что если не считать девушек – ведь не станут же девушки пить спиртное?! – то на каждого парня приходилось по две с половиной бутылки. А если принять во внимание, что трое из ребят за рулем и пить не будут, то выходило и того больше...

– Ну что еще? – с непонятным раздражением спросила Даша, перехватив ее взгляд. – В чем проблемы?

Алиса кивнула на ящик с бутылками:

– Это кому все?

– Что значит «кому»? – удивилась Даша. – Это все нам. Кому же еще?!

– То есть как это нам?

– Ну, на всю компанию. Вот я, к примеру, люблю martini. – Она взяла в руки высокую бутылку с яркой наклейкой. – Вик, мой брат, пьет исключительно виски. Иван балуется текилой, девчонки пьют сначала шампанское, а потом все, что под руку попадется. Димону вообще плевать, что пить, лишь бы градус был больше двадцати. А Климушка уважает коньяк.

От шока Алиса на время потеряла дар речи. Мало того, что здесь пьют даже девушки, так еще и...

– Что? – спросила Даша. – У тебя такой видок, словно тебе за пазуху живую жабу засунули.

– Клим тоже будет пить? – шепотом спросила Алиса.

– Ну разумеется, а чем он хуже других?

– Он же за рулем!

– Ну и что? К завтрашнему вечеру по-любому протрезвеет.

– Как к завтрашнему вечеру?! – Алиса выронила папку. – А разве мы вернемся не сегодня?

– Сегодня?! – Даша посмотрела на нее с жалостью. – А с какой такой стати нам возвращаться сегодня? Мы же только что приехали. Погудим, расслабимся, переночуем, отоспимся и завтра к вечеру уедем. А что тебя не устраивает?

Вообще-то, ее не устраивала вся сложившаяся ситуация. Она не планировала проводить ночь в незнакомом доме, в компании малознакомых людей. Она думала, что они побудут на пленэре пару часов и вечером вернутся в город. И что теперь?.. Чтобы не расплакаться, пришлось до крови прикусить губу.

– У вас что-то случилось? – послышался голос Климa. Он поставил на землю корзину с провиантом, подобрал упавшую папку, смахнул с нее пыль, протянул Алисе.

– Случилось, – фыркнула Даша. – Вот эта, – она невежливо ткнула в Алису пальцем, – боится ночевать с нами под одной крышей!

– Я не боюсь. – Алиса вцепилась в свою папку, как утопающий в спасательный круг. – Я просто думала...

– Она думала, – перебила ее Даша, – что мы прямо сегодня вернемся в город. Представляешь?

Клим смерил Алю удивленно-задумчивым взглядом, спросил:

– Прямо сегодня? А зачем?

Алисе вдруг стало стыдно. Ну что же она, в самом деле, ведет себя как ребенок? А она же не маленькая, ей почти восемнадцать. И вообще, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

А родители вернутся только завтра вечером. Может быть, она сможет их опередить. О том, что случится, если не успеет, подумать было страшно, и Алиса не стала об этом рассуждать.

– Все в порядке, – сказала она решительно и даже нашла в себе силы улыбнуться. – Я могу вернуться в город завтра.

– Да? – В голосе Клим ей почудилось разочарование. – А то, если хочешь, провожу тебя до стоянки такси. Тут недалеко.

– Климушка, – вмешалась в разговор Даша. – Аля ведь уже сказала, что может вернуться завтра. Тем более что ты сам, – она сделала ударение на слове «сам», – просил, чтобы я уговорила ее поехать с нами. Не нужно быть таким чудовищно застенчивым, лучше покажи Але свою хижину.

Клим кривовато усмехнулся – Алиса уже заметила, что все улыбки у него вот такие, кривовато-ироничные, во всяком случае, те, что адресовались ей, – поднял с земли корзину с провиантом, сказал:

– Ну, пойдем, что ли?

«Хижина» Клим оказалась огромной, двухэтажной. На первом этаже – каминный зал с мягкими кожаными диванами, пушистым ковром, акварелями на стенах и самым настоящим камином; кухня и столовая с длинным дубовым столом, за которым с легкостью разместилось бы два десятка гостей; бильярдная и библиотека. Были еще какие-то подсобные помещения, но Клим их показывать не стал, сразу увлек Алису на второй этаж, по пути забрал ее папку, зашвырнул на каминную полку. На втором этаже располагались спальни и гостевые комнаты.

– Ну, вот так и живем, – сообщил Клим, заканчивая экскурсию по своим владениям.

– Да, – сказала Алиса, просто чтобы хоть что-нибудь сказать.

Они стояли на террасе, широкой лентой опоясывающей весь второй этаж. Клим курил, а Алиса смотрела на открывшуюся панораму – тихую речушку в обрамлении старых, но еще крепких верб.

– Там неплохой пляж, – сказал Клим. – А выше по течению – хороший клев. Мой отец – заядлый рыбак.

Парень стоял, облокотившись о перила, вполоборота к ней. От приятных воспоминаний его лицо сделалось мягче, даже линия подбородка утратила былую категоричность, в чертах появилось что-то мальчишеское. Алиса улыбнулась: нет ничего плохого в том, что она воспользовалась гостеприимством этого человека. Видно же, что в глубине души он добрый, а все остальное – и кривоватая усмешка, и проскальзывающее в серых глазах раздражение – это наносное. Просто в его мире так принято: скрывать все самое хорошее как можно глубже. Наверное, люди этого мира очень ранимые, вот и придумывают такие странные способы защиты. Хрупкий и очень необычный мир. Алиса улыбнулась еще шире.

– Тебе нравится? – Оказывается, пока она предавалась философским рассуждениям, Клим успел докурить и теперь рассматривал ее с доброжелательным любопытством.

Девушка смутилась, залилась краской, сорвала с переносицы очки, принялась протирать совершенно чистые стекла. А он продолжал смотреть – она кожей чувствовала его взгляд.

– Тут очень красиво, – выдавила из себя Алиса, закашлялась и выронила очки.

Очки упали на асфальтированную дорожку с тихим хрустом, не оставляющим надежды на то, что все обошлось и стекла остались целы.

– Упс, – сказал Клим и криво усмехнулся.

– Ой, – сказала Алиса и перегнулась через перила.

Нельзя сказать, что у нее была такая уж сильная близорукость, многие девушки в таких случаях предпочитают обходиться вовсе без очков. Алиса являлась исключением. Очки давали ей возможность отгородиться от внешнего мира. Когда она их надевала, появлялась стойкая иллюзия уединенности и некоторой отстраненности. Кто-то сказал, что глаза – это зеркало души, и вот уже несколько лет Алисе удавалось скрывать свою душу от посторонних за стек-

лами с отрицательными диоптриями. А сейчас, в самый неподходящий момент, ее оптический щит сломался...

Эта дуреха чуть не вывалилась с балкона, вслед за своими дурацкими очочками. Климу пришлось схватить ее за ворот джинсовки, чтобы предотвратить падение. Не хватало еще, чтобы она свернула свою цыплячью шею в его доме!

– Куда?! – рявкнул он, оттаскивая девчонку от перил.

– Они разбились? – спросила она упавшим голосом.

– Ну. – Клим неопределенно пожал плечами, посмотрел вниз, увидел бредущего по дорожке Ивана. – Вань, – позвал он. – Глянь вон на те очки!

– Вот на эти? – Иван подобрал с земли что-то бесформенное.

– Да, эти. Они там как, реставрации подлежат?

– Стекла разбиты, дужка отломана, а в остальном все в порядке.

– Да что ты говоришь?! – спросил Клим ехидно. – В остальном, значит, все в порядке?

За его спиной послышался сдавленный всхлип, кажется, девчонка восприняла кончину своих очков как непоправимую трагедию. А сама виновата! Нечего было ими размахивать. Клим отклеился от перил, склонился над шмыгавшей носом девчонкой, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, заправил за ухо блестящую черную прядь ее волос.

У нее были красивые глаза: немного зелени у самого зрачка, больше синевы ближе к краю радужки. И глаза эти, сине-зеленые, смотрели на него совсем не близоруко. Ну, разве что немного испуганно.

– Ты без них никак не обойдешься? – спросил он.

– Обойдусь. – Девчонка тряхнула головой, черная прядка тут же выскользнула из-за уха, занавесила пол-лица.

– Ну, так не плачь.

– Я и не плачу.

– Без очков тебе лучше. – Он не кривил душой. Если бы не общая неухоженность и какая-то раздражающая пришибленность, девчонка сошла бы за хорошенькую. И куда только смотрит ее маман? Позволяет дочурке выходить на люди таким пугалом. А может, там и маман соответствующая? Не зря же говорят, что яблочко от яблоньки недалеко падает.

Его слова возымели чудесное действие: девочка перестала всхлипывать и вдруг застенчиво и – о чудо! – кокетливо улыбнулась.

– Лучше линзы закажи, – посоветовал Клим. – И вообще, давай уже спускаться, а то я же хозяин как-никак.

Денек выдался таким чудесным, что расположиться решили на свежем воздухе, недалеко от бассейна, на специально предназначенной для этих целей площадке. Притащили из дома стол, складные стулья и шезлонги. Девушки занялись сервировкой, а парни шашлыками.

Клим нанизывал на шампур маринованное мясо, исподтишка наблюдая за происходящим на площадке для барбекю. Девчонки деловито курсировали по маршруту «дом – стол». Дашка нарезала салатки и пританцовывала под вопли выставленного на крыльцо бумбокса. А несчастье в плиссированной юбке бесцельно слонялось неподалеку. Как успел заметить Клим, девчонки к новенькой относились пренебрежительно, от ее помощи отказывались, в свою тусовку не приглашали. Даже Дашка, срежиссировавшая это безобразие, от несчастной жертвы своих интриг открестилась: пританцовывала, песенки напевала, а на девчонку – ноль внимания, точно ее и не существует вовсе.

– Даша, а ну-ка иди сюда! – Клим подозвал к себе маленькую интриганку.

– Ну, что тебе, Климушка? – спросила та, хитро улыбаясь.

– Ты бы вон ее, – он кивнул в сторону девчонки, – заняла чем-нибудь. Что она слоняется как неприкаянная?

– Я?! – Даша удивленно округлила глаза. – А при чем тут я? Я что, массовик-затейник? Нет уж, Климушка, это твой выбор, тебе ее и развлекать, до самой ночи. Ну, и ночью, само собой. – Она злорадно улыбнулась, похлопала его по плечу. – А меня уволь, у меня своих дел полно.

Клим тяжело вздохнул, шлепнул злодейку пониже спины. Она обиженно фыркнула, давая понять, что давно уже не маленькая девочка и терпеть такие вот идиотские выходки не намерена. А для Клим она и была маленькой, не слишком умной семнадцатилетней девочкой, по чистому недоразумению решившей, что ей уже позволено играть во взрослые игры.

– Ладно, позови мне эту, как ее там...

– Сам зови, – огрызнулась Даша и продефилировала к столу, совсем не по-детски виляя задом.

Клим уже открыл было рот, чтобы позвать девчонку, с несчастным видом топчущуюся у бассейна, когда понял, что коварная Дашка так и не сказала, как ту зовут. То есть сказала, конечно, когда представляла эту дуреху честной компании, но он не запомнил. А сейчас что же делать? Кричать: «Эй, ты, как тебя там, иди сюда»? Пришлось откладывать шампуры, вытирать руки, самому топтать к бассейну.

Девчонка смотрела на воду, на ее бледном лице плясали солнечные блики. Клим деликатно кашлянул. Она резко обернулась, чуть не свалилась в воду, пришлось снова хватать ее за шкуру – не слишком вежливо, зато надежно.

– Осторожнее, – сказал он, спуская дуреху с бортика на землю.

– Спасибо, – отозвалась та.

– Тебе в куртке не жарко?

– Нет.

Врет. Видно же, что жарко. Что ж тогда не снимет?

– Поможешь мне с шашлыками?

– Конечно, с радостью! – Она встрепенулась, глаза загорелись сине-зеленым огнем. – А что нужно делать?

– Пойдем, покажу.

Клим всю жизнь придерживался убеждения, что шашлык – это не женское дело, поэтому, вручая шампуры девчонке, чувствовал себя не слишком уверенно. Наверное, так чувствовал бы себя капитан, считающий, что баба на корабле – к беде, иверяющий штурвал этой самой бедовой бабе. Но теперь уже что? Теперь остается стиснуть зубы и наблюдать, как девчонка ловко нанизывает мясо и овощи на шампур, и утешать себя мыслью, что это лишь самый первый, не слишком ответственный этап, а дальше он возьмет все в свои руки, а эта... а это несчастье пусть развлекается самостоятельно. В конце концов, кроме нее, у него есть и другие гости. И вообще, она сама напросилась...

На душе скреблись и подвывали кошки. Ох, зря она послушалась Дашу и приехала на эту дачу! Она же тут совсем не к месту, это невооруженным глазом видно. А Клим и в самом деле добрый, понял, что ей маетно и неловко, приобщил к общественно-полезному делу. Конечно, нанизывать мясо на шампуры – не бог весть какое развлечение, зато есть чем руки занять. И не станет она предаваться унынию. Ведь если рассудить, когда бы еще ей довелось побывать в таком необычном месте, как эта дача? Ну и что, что здесь нет яблоневого сада?! Зато имеется прекрасный цветник и невиданные карликовые деревца. И еще есть бассейн, очень большой и, по всей видимости, глубокий. Вон какая синяя-синяя в нем вода. И, наверное, теплая. Жаль, что Алиса не умеет плавать. Не потому, что родители считали это дурным занятием, просто

не придавали значения такой ерунде, как обучение их с Мелисой плаванию. Честно говоря, родители их вообще мало чему учили, чаще запрещали.

Алиса нанизала на шампур последний кусок мяса, тыльной стороной ладони вытерла вспотевший лоб. Придется все-таки снять джинсовку. Ну и что, что кофточка под ней старенькая-престаренькая. Зато чистая и аккуратная, а штопка незаметна, почти.

К мангалу, разумеется, Клим эту горемычную не подпустил – проявил человеколюбие, и хватит. В конце концов, он ее силой к себе на дачу не тащил, он бы и без нее прекрасно обошелся. Так что пусть теперь сама себя развлекает.

– Иди-ка погуляй, – сказал он раздраженно, когда девчонка предприняла робкую попытку сунуться вслед за ним к мангалу. – Цветочки вон понюхай. Хочешь, на речку сходи, развейся.

С речкой идея была неплохая. Может, это чудо по дороге заблудится или прибьется к другой компании и освободит Клима от взятых на себя обязательств? Впрочем, это скорее из разряда фантастики: и не заблудится, и не прибьется. Кому она такая нужна?

Девчонка от прогулки к речке отказалась, пошла нюхать цветочки. Клим уже собирался отвернуться, когда поймал на себе насмешливо-испытующий взгляд Даши, соорудил ей страшную рожу и даже кулаком погрозил для острастки. Дашка, ясное дело, не испугалась, показала язык. Ребенок ведь еще, пусть и с внешностью топ-модели. Ну что с такой прикажешь делать?

За стол уселись только часам к шести. Ребят, уже изрядно оголодавших, дважды звать не пришлось. Только его новой подружке, этой дурехе, потребовалось персональное приглашение. Пока народ рассаживался, она болталась поблизости, но к столу не шла, с сосредоточенным видом перемещалась от одного розового куста к другому.

– Ну что же ты, Климушка, приглашай свою даму сердца, – подначила Дашка, усаживаясь по левую руку от него.

– А что ее приглашать? – буркнул Клим, вставая. – Она что, особенная?

– А то не видно, – усмехнулся Димка Лагода и с вождением посмотрел на батарею непечатых бутылок. – Я такой неземной красоты отродясь не видывал.

– Так, может, ты ее себе заберешь? – огрызнулся Клим.

– Не, – Димка энергично замотал башкой, – мне чужого не нужно. Мало ли что, еще передумаешь своей красоткой делиться, устроишь мне джихад. И потом... – Он хитро улыбнулся. – Даже мне столько не выпить.

На взгляд Клима, шутка была идиотской, но все сидевшие за столом дружно засмеялись. Девчонка вздрогнула, затравленно посмотрела в их сторону.

Алиса знала, что смеются над ней. Ей и без того было несладко – мало кому понравится чувствовать себя белой вороной, а сейчас, от этого смеха, стало совсем тошно. А может, плюнуть на этот другой мир и уехать обратно в Москву? Девушка бы так и поступила, если бы не два обстоятельства. Во-первых, у нее не было денег на обратный путь, мелочи, оставшейся в кошельке, едва ли хватит на проезд по городу. А во-вторых, к ней, вот прямо сейчас, шел Клим. Клим хмурился и выглядел очень сердитым. Это, наверное, из-за того, что она не идет к столу. Алиса делала это не из-за спеси, она просто очень стеснялась. Да что там стеснялась, боялась до дрожи в коленках! Другой мир оказался не слишком-то гостеприимным, чужаков вроде Алисы Волковой он отвергал категорически. Она это чувствовала и боялась еще сильнее...

– Ну и что ты тут стоишь? – спросил Клим раздраженно. – Видишь, все уже давно за столом, шашлык остывает.

– Они смеются, – прошептала девушка.

– Кто?

– Ваши друзья.

– Ну, смеются. – Клим нетерпеливо пожал плечами. – Димон рассказал новый анекдот. А что, у вас на Юпитере смеяться не принято?

Ну вот, сначала «у вас на Марсе», теперь «у вас на Юпитере». Наверное, с ней и в самом деле не все в порядке, раз она во всем видит подвох. Люди просто радуются какой-то удачной шутке, только и всего. А она, глупая, почему-то решила, что смеются над ней.

Смех за столом затих, все гости вопросительно смотрели в их сторону.

– Давай не будем заставлять народ ждать. – Клим больно сжал Алисин локоть.

– Давайте, – пробормотала она, семена следом.

– Можно просто «давай», – сказал он, не глядя в ее сторону.

Их появление встретили бурными аплодисментами. Громче всех хлопала Даша.

– Прошу. – Клим помог своей спутнице усестся за стол, сам сел рядом, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь: – Ну, начнем, что ли?

Алиса даже представить себе не могла, какое это, оказывается, мучение – ужин на даче. С ножом и вилок она еще худо-бедно справлялась, зато в ее гастрономических познаниях зияла огромная брешь. Она не знала названий доброй половины поданных к столу деликатесов. Хуже того – понятия не имела, как их нужно есть. Пришлось начинать с шашлыка, одного из немногих известных ей блюд. Шашлык был очень сочным и очень вкусным, давно уже Алиса не пробовала такого восхитительного мяса. Родительский бог призывал к аскетизму, поэтому мясо на их столе появлялось очень редко, в основном – по большим праздникам.

С шашлыком она кое-как управилась: ела, смущаясь, испуганно косясь по сторонам, чувствовала, что за ней наблюдают. Но очень скоро выяснилось, что настоящие мучения еще даже не начинались.

– Что это? – Алиса с ужасом посмотрела на бокал, наполненный чем-то пенящимся.

– Это шампанское, его пьют, – терпеливо, как умственно отсталой, объяснил Клим.

– Это мне?

– Не любишь шампанское? – спросила Даша. – Климушка, твоя дама не любит шампанское, налей ей лучше чего попроще, например водочки.

– Нет! Не надо водочки! – Алиса вместе со стулом отодвинулась от стола. – И шампанского тоже не надо.

В повисшей тишине стало слышно, как тонко звенят комары. Все гости, без исключения, смотрели в ее сторону.

– Может, коньяка? – вежливо поинтересовался Клим.

Остальные наперебой стали предлагать Алисе алкоголь.

– Не нужно! – Она протестующе затрясла головой. – Ничего не нужно!

– Э, так не пойдет. – Худой парень с несимпатичным, прыщавым лицом, – кажется, друзья называли его Димон, погрозил Алисе пальцем. – Обязательно нужно выпить. Как же не выпить за знакомство?

– И за любовь! – поддакнула Даша.

– Вообще-то, я не пью.

– Как не пьешь? – Димон удивленно нахмурился.

– Не пью, и все. – Алисе вдруг захотелось оказаться как можно дальше от этих неискренних уговоров и любопытных взглядов, от деликатесов с труднопроизносимыми названиями и от соблазна, закупоренного в затейливые бутылки.

– Почему? – спросил Клим.

Она чуть было не сказала – «потому, что это грех», но вовремя прикусила язык. Что она знает о людях из другого мира? Возможно, грехом тут считаются совсем другие вещи.

– Я не умею, – прошептала она.

– Совсем-совсем не умеешь? – уточнил Димон.

Алиса виновато пожала плечами, словно было что-то постыдное в том, что она не умеет пить.

– Не можешь – научим! – Даша перегнулась через Клим, пододвинула ей бокал.

– Не хочешь – заставим. – Димон радостно заржал, за столом одобрительно загудели. – Пей, красавица, это что-то вроде газировки. Ничего страшного.

Родители сказали бы, что она слаба духом. Алиса и была слабой и неопытной и не умела говорить «нет». Ну и пусть, это ее сознательный выбор!

А шампанское оказалось совсем не ужасным. И вовсе оно не горькое, и не похоже на бесовское зелье, и пузырьки так приятно щекочут нёбо.

– Ну как? – спросила Даша.

– Вкусно, – призналась девушка.

– Тогда пей до дна!

А что?! И запросто! Алиса сделала глубокий вдох, залпом допила содержимое бокала.

Ничего страшного не произошло. Шампанское золотисто-теплой волной опустилось в желудок, в носу защекотало. Алисе захотелось чихнуть, но она удержалась – некрасиво чихать в приличном обществе.

Ее решительный, совсем взрослый поступок снова вызвал шквал аплодисментов. Да что же они все хлопают, словно она какая-нибудь знаменитость?

– Съешь что-нибудь, – послышался сердитый голос Клим.

– Что? – испуганно переспросила Алиса.

– За столом принято не только пить, но и есть.

Девушке стало обидно, можно подумать, она какая-нибудь алкоголичка!

– Что тебе предложить?

Алиса обвела взглядом ломившийся от заморских разносолов стол, равнодушно пожала плечами.

– Ну? – нетерпеливо повторил Клим.

– На ваше усмотрение, – с достоинством сказала она и отвернулась.

– Тогда шашлык. – Клим не обратил на ее обиду никакого внимания.

А шашлык она уже, между прочим, ела...

Обида обидой, а есть хотелось довольно сильно. О завтраке, об овсяной каше на воде, растущий Алисин организм уже и думать забыл. Решено, она будет есть только шашлык, плевать ей на всякие буржуйские деликатесы!

Алиса не заметила, как опустела ее тарелка, а еще не заметила, как кто-то снова до краев наполнил ее бокал. А когда, наконец, заметила, то не испугалась. А что пугаться-то?! Это же почти как газировка...

Ох, и не нравилось ему происходящее! Он уже не один раз успел пожалеть, что пошел на поводу у судьбы-злодейки и связался с этой непутевой.

А девчонка и была непутевой. А еще наивной до неприличия. Или до неприличия глупой, он пока не до конца разобрался. Вела себя так, словно в компаниях никогда не бывала: на банальные суши смотрела с изумлением, когда он предложил, пробовала их с таким лицом, точно они были нафаршированы стрихнином. Шампанское пила залпом, дуреха.

После второго бокала Клим взял «алкогольный вопрос» под свой контроль, потому что понял: час-другой – и девчонка напьется вдрызг. Возись потом с ней... Впрочем, время показало, что ей и двух бокалов хватило с лихвой. О, как оживилась! И румянец на лице появился, и глаза зажглись шальным блеском, и смущаться, кажется, перестала. Сразу видно – эта не из тех, что после ста граммов тихонечко заваливаются спать. Эта из тех, кто «во хмелю буйный», даром что женщина.

В самый разгар веселья народ как раз решил, что пора бы окунуться, – на крыльцо вышел охранник Егор и призывно помахал Климу телефонной трубкой.

Звонили родители. Мама сначала долго и со знанием дела восхищалась Женовой, потом так же долго расспрашивала Клима о том, как проходит вечеринка. Дома или на свежем воздухе? В каком составе? Что «дети» кушают? Где он собирается всех размещать? Словно невзначай спросила про Маринку, а после того, как Клим сказал, что Маринка заболела и осталась в Москве, вздохнула с явным облегчением. Мама его подружку не жаловала, называла выскочкой и проходимкой, непутевого сына увещевала при каждом удобном и неудобном случае, потому что считала Маринку девицей «не их круга» и пролетарских корней ее откровенно побаивалась. А Климу на «корни» было плевать. Гораздо больше его занимала Маринкина модельная внешность и относительная неприхотливость. Подружка обходилась ему в каких-то двести долларов в месяц, что по нынешним временам было просто смехотворно маленькой суммой.

Потом трубку взял отец. В отличие от мамы, он вопросов не задавал. Он раздавал ценные указания. Отца Клим слушал молча, не перебивал и не перечил. Во-первых, потому, что перечить – себе дороже, а во-вторых, потому, что все ценные указания делались по существу.

– Ну, смотри, сын, чтобы все было хорошо, – сказал отец на прощание чуть смягчившимся голосом, – чтобы мы с матерью за тебя не волновались.

Клим пообещал, что все будет в лучшем виде, отключил связь и облегченно вздохнул. Он любил своих родителей, но, как и всякий индивидуум, достигший совершеннолетия, считал их опеку излишней и обременительной.

Часы на каминной полке пробили половину двенадцатого. Ого! Оказывается, Клим проговорил с родителями без малого сорок минут! Впрочем, для мамы, рекордсменки по телефонным разговорам, сорок минут – это далеко не предел.

Клим куда-то исчез, и Алиса загрустила, не сильно, а так, самую малость. У шампанского, оказывается, было чудесное свойство – оно не позволяло впадать в уныние, вселяло силы и уверенность в себе. А еще оно делало окружающих добрыми и очень милыми. Никто из этих славных ребят не желал ей зла. И даже прыщавый Димон больше не казался противным и скользким. Он опекал Алису в отсутствие Клима, рассказывал всякие смешные истории, дружески хлопал по спине, подливал еще шампанского.

За разговорами с ним она не сразу заметила, что гости решили искупаться. А когда, наконец, заметила, то очень удивилась и испугалась. Правда, испугалась намного меньше, чем удивилась.

Славные ребята снимали почти всю одежду. Парни остались в плавках, девушки в купальниках, которые и купальниками-то нельзя назвать. Микроскопические яркие кусочки ткани почти ничего не скрывали, но девушек это совершенно не смущало. И укрыться побыстрее в воде они не торопились: прохаживались по бортику бассейна, кокетливо взвизгивали, когда кто-нибудь из парней обдавал их веером мерцающих брызг. Вот он, оказывается, какой – другой мир, веселый и раскрепощенный. В этом мире нет нужды прятаться за условностями, носить юбки до пят и болезненно краснеть под заинтересованными взглядами молодых людей. Здесь все другое, куда более интересное и настоящее, чем в ее собственном унылом мире. А еще где-то здесь есть Клим, которому вдруг, вопреки здравому смыслу, захотелось пригласить в это необычное приключение именно ее, Алису Волкову.

– Жарко, – сказал Димон.

– Жарко, – согласилась она и в подтверждение собственных слов обмахнулась льняной салфеткой.

– Тогда пошли купаться.

Алиса бы и пошла. Теперь, когда она узнала, что шампанское дарит человеку свободу и смелость, ей и море было по колено. Останавливало одно – отсутствие купальника. Она решила не сообщать об этом Димону, легкомысленно махнула рукой и сказала:

– Не хочу пока.

– Ну, смотри. – Димон не стал ее уговаривать, торопливо сбросил одежду и, виляя тощим задом, помчался к бассейну.

Алиса хихикнула – красный горошек на белых плавках Димона показался ей очень смешным. И сам Димон казался забавным, и все остальные...

Кажется, она задремала, только на секунду прикрыла глаза, и тут же плеск воды и голоса отдалились. А потом что-то изменилось: голоса стали громче, стул, на котором она сидела, вдруг качнулся, оторвался от земли и поплыл, а вместе с ним поплыла и Алиса. Ей бы открыть глаза, посмотреть, что это за чудо такое – летающий стул, но оказалось, что коварное шампанское прибрало к рукам Алисино тело, и распоряжаться им у нее уже нет никакой возможности. Остается только вяло удивляться и ждать, чем все закончится.

То, что случилось в следующее мгновение, было страшным и неправильным. Стул, который все это время покачивался плавно и умиротворяюще, дернулся, и Алиса под аккомпанемент собственных криков сорвалась вниз.

Внизу было холодно и мокро. И дышать сразу стало нечем – девушка попробовала, и в легкие тут же хлынула вода. Коварное шампанское оставило, наконец, ее тело в покое, предоставило ему неограниченную свободу. И тело, в отличие от Алисы, сразу же начало действовать: забило в подсвеченной синим воде, рвануло вверх, туда, где воздух. Тело забыло, что не умеет плавать...

Что-то там такое происходило у бассейна. Что-то очень интересное, коль ребята, все до единого, сгрудились у бортика. Клим стало любопытно.

Он не сразу понял, что это такое. Это было похоже на диковинный ультрамариновый цветок или на большую медузу, бог весть, каким чудом очутившуюся в его бассейне. И только спустя мгновение, когда одураченный фантазмагорической картинкой мозг наконец включился, Клим понял, что это на самом деле такое.

Девчонка, бесполезный подарок, подброшенный ему на эту ночь шутницей-судьбой. А это синее, похожее не то на купол медузы, не то на гигантский лепесток ириса, это ее дурацкая плиссированная юбка. Теперь все ясно. Девчонка набралась и решила освежиться. При этом так торопилась, что и раздеваться не стала. Прав он оказался насчет ее потенциальной буйности...

Черт знает, сколько бы он вот так стоял и разглядывал безобразие, плавающее в бассейне, если бы не внезапное, как порыв осеннего ветра, осознание, что девчонка не плавает, а тонет! Или уже утонула...

Чертыхаясь, на ходу сбрасывая сандалии, Клим помчался к бассейну, прыгнул в воду: некрасиво, «солдатином». Красоваться и входить в воду с разбегу, по дуге, не было времени.

Он успел вовремя: девчонка ушла под воду с головой и, кажется, уже перестала барахтаться. Клим поймал ее за тонкое, ускользающее запястье, потянул к себе, обхватил за талию, вытолкнул на поверхность. Непутевая глубоко вздохнула, закашлялась, судорожно забила руками по воде. Клим потребовались определенные усилия, чтобы удержать ее на плаву. Эта маленькая дура отчаянно мешала себя спасать.

А остальные тоже хороши: стоят, смотрят на происходящее как на бесплатное представление, и хоть бы один шелохнулся, чтобы помочь!

Нет, один все-таки шелохнулся: Виктор перегнулся через бортик бассейна, махнул Климу рукой. Вдвоем они кое-как вытащили утопленницу на сушу. Вытащить-то вытащили, а вот что

делать с ней дальше, не знали. Клим хватило лишь на то, чтобы одернуть задрвшуюся до талии плиссированную юбку и по ходу отметить, что у девчонки красивые ноги.

Девчонка тем временем продолжала кашлять: хватала ртом воздух и кашляла еще сильнее.

– Может, искусственное дыхание? – робко предположил Виктор.

– А кто будет делать? – язвительно уточнил Клим и обвел присутствующих испепеляющим взглядом. Теперь, когда операция «спасение на водах» подошла к более или менее успешному финалу, он позволил себе рассердиться.

– Ты и будешь! – фыркнула Даша. На эту маленькую стерву испепеляющие взгляды не действовали. – Ты ж у нас спаситель, тебе и карты в руки.

– Не нужно никакого искусственного дыхания. Она вон и так дышит. Лучше ее на бок переложить, – резонно предложил Иван. – Отлежится, откашляется...

– Кто ее пустил в бассейн? – спросил Клим, снимая мокрую майку.

– А мы, знаешь ли, к твоей зазнобе в няньки не нанимались! – возмутилась Даша. – Если не умеет плавать, не хрен в воду соваться.

– Дарья! – неожиданно резко сказал Виктор и дернул сестру за руку.

– Что – Дарья?! – огрызнулась та. – Что я не так сказала?!

– Да все ты не так сказала! Начать хотя бы с того, что эта, – Виктор махнул в сторону притихшей «утопленницы», – сама в бассейн не лезла. Ее Димон с Кушнеревым сбросили.

– Сбросили?! – Клим не поверил своим ушам. – А зачем?

– Да прикалывались мы. – По голосу чувствовалось, что Димону не по себе. – А что, уже и поприкалываться нельзя?

– Кто ж знал, что она плавать не умеет? – поддакнул Кушнерев, закадычный Димонов дружок.

– А вы бы спросили! – заорал Клим, внезапно осознавший, что из-за этих вот раздолбаев в его доме едва не произошел несчастный случай со смертельным исходом.

– А как ее спросишь? Она ж пьяная в хлам! – Дашка брезгливо поморщилась.

– А не ты ли, голуба, ей шампанское наливала?! – Клим понизил голос почти до шепота. Близкие поняли бы, что его терпение на исходе, но в этой компании пьяных балбесов не было особо близких, только Виктор.

– А не надо было свою царевну-лягушку на нас, таких плохих, оставлять! – Даша не могла позволить, чтобы последнее слово осталось не за ней. Даже предупреждающий взгляд брата на нее не подействовал. – Надо было остаться с нами и самому пасти свое сокровище.

Да что с ней разговаривать, с дурехой малолетней? Клим досадливо махнул рукой и переключился на выловленную из бассейна девчонку. Девчонка уже перестала кашлять, сидела, подтянув коленки к подбородку, и клала зубами. Она и до купания не выглядела как мисс Мира, а сейчас и подавно. Прилипшая к телу маечка подчеркивала болезненную худобу и грудь незавидных для восемнадцатилетней барышни размеров. Мокрые волосы сосульками свисали вдоль бледного лица, что, в общем-то, тоже красоты не добавляло. А еще этот взгляд – удивленный и затравленный одновременно. Такой взгляд, наверное, бывает у маленького ребенка, впервые в жизни столкнувшегося с несправедливостью и жестокостью взрослых. Именно этот взгляд и добил Клима.

– Ладно, повеселились. – Он подхватил девчонку на руки, бросил предупреждающий взгляд на собравшуюся было что-то сказать Дашу, и – о, чудо! – та промолчала.

Остальные старательно демонстрировали свое полное равнодушие к происходящему – и на том спасибо. Девчонка продолжала дрожать и все пыталась отстраниться. Она думала, Клим могло взволновать ее тщедушное тельце!

– Не ерзай, – проворчал он, и девчонка тут же затихла, даже дрожать перестала – дисциплинированная!

Клим удовлетворенно хмыкнул, подмигнул Виктору и понес свою «утопленницу» к дому. Девчонку предстояло еще высушить и обогреть. Не болтаться же ей по даче в этой ужасной мокрой юбке?

– Ты как? – спросил Клим, ногой открывая дверь, ведущую в спальню.

Девчонка пробубнила в ответ что-то неразборчивое.

– Нормально? – Он аккуратно поставил ее на коврик перед кроватью.

Спасенная пошатнулась, но не упала, неловко переступила с ноги на ногу, испуганно посмотрела на растекающуюся на коврике лужу.

– Одежки придется снять, – сказал Клим задумчиво.

Девчонка испуганно ойкнула и поспешно отступила к выходу на террасу.

– Куда?! – рявкнул он и поймал дуреху за руку. – Я имел в виду, что тебе нужно переодеться во что-нибудь сухое. Ясно?

После небольших колебаний она молча кивнула.

Клим осмотрел это недоразумение с ног до головы, а потом сказал:

– Моя рубашка сгодится.

Его рубашка доходила девчонке до колен. При желании она могла бы обернуться ею дважды, но у девушки, похоже, было одно-единственное желание – чтобы Клим поскорее ушел и оставил ее в покое. Это желание так явно отражалось на ее скуластой мордашке, что Климу стало смешно. А еще немного обидно: до сегодняшнего дня ни одна девушка не изъясляла такого очевидного стремления вытурить его из его же собственной спальни. А девушки у него были уж куда попривлекательнее этого подкидыша судьбы.

– Ну ладно, ты тут располагайся, а я пошел, – сказал он с саркастической ухмылкой. – Или желаешь продолжения банкета?

Девчонка так энергично затрясла головой, что с ее мокрых волос во все стороны полетели брызги.

– Не желаешь? – на всякий случай уточнил Клим и продолжил тоном гостеприимного хозяина: – Тогда чувствуй себя как дома. Если тебе еще не надоели водные процедуры, можешь принять ванну...

При упоминании о воде девчонка дернулась, попыталась натянуть рубашку на голые колени.

– Надоели? – Клим понимающе кивнул. – Тогда обсыхай и ложись спать.

– Где? – робко поинтересовалась она.

– Вот прямо здесь, на эту кровать. А что тебя смущает?

Что ее смущает? Хороший вопрос. Алиса одернула рубашку. Да ее смущает абсолютно все! Вот, к примеру, эта рубашка: она такая короткая, всего лишь до колен. А под рубашкой ничего нет, потому что вся Алисина одежда мокрой кучей валяется на полу в ванной, и после ухода Клим нужно будет обязательно развесить вещи на полотенцесушителе, чтобы все успело высохнуть к утру. Ее смущает эта комната и огромная кровать, застеленная пушистым покрывалом. Ее смущает произошедшее у бассейна, она до сих пор не может понять, как очутилась в воде. Но больше всего ее смущает Клим: по пояс голый, неприлично красивый и обидно насмешливый.

– Все, русалка, я пошел. – Он махнул ей рукой и скрылся за дверью.

Надо же, он назвал ее русалкой. Такое красивое имя! Жаль, что оно ей совсем не идет. Ну какая из нее русалка? У русалки должны быть длинные-предлинные волосы, стройная фигура и рыбий хвост. А у нее нет ничего из вышеперечисленного. Она вообще личность, ничем не выдающаяся, непонятно каким образом попавшая в этот чужой мир. Вот если бы на ее месте оказалась Мелиса, та наверняка не растерялась и уж точно не испугалась бы, а, наоборот, очень обрадовалась бы. Алиса представила, как удивится Мелиса, узнав о приключениях сестры.

Скорее всего, не поверит. Или поверит лишь десятой части, самому незначительному. А про Клим не поверит ни за что, обзовет его эротической фантазией, а ее саму – врушкой. Алиса улыбнулась, мысли о сестре вернули ей душевное спокойствие, или почти вернули.

Она покосилась на закрытую дверь, прыгнула с кровати, шмыгнула в ванную. Стараясь не обращать внимания на свое жалкое отражение, развесила одежду сушиться. Постояла немного, любуясь сияющим кафелем и элегантной сантехникой. Обнаглев окончательно и в душе гордясь своей бесшабашной смелостью, изучила содержимое многочисленных тюбиков и бутылочек. А в довершение всего взяла с полки пушистое розовое полотенце, закрутила его «чалмой» на голове и вернулась в комнату.

Из распахнутой настежь двери, ведущей на веранду, тянуло свежестью, слышались веселые голоса и звуки музыки. Алиса поежилась, прикрыла дверь. В комнате стало значительно тише. Настенные часы показывали час ночи. Для Алисы, привыкшей ложиться спать в девять, время было просто запредельное. Организм, всего за полдня переживший потрясений больше, чем за всю предыдущую жизнь, молил об отдыхе. Да и шампанское выветрилось еще не окончательно, голова кружилась и шумела. Алиса постояла в раздумьях перед кроватью, потом широко зевнула, забралась под пушистое покрывало. Она уснула, едва голова коснулась подушки. Стрессы стрессами, а здоровый сон еще никто не отменял.

На лужайке перед бассейном было весело, народ уже и думать забыл о недавнем происшествии. Народ резвился: пил, курил, купался и танцевал. Клим присоединился к этому безобразию не без удовольствия. В конце концов, у него есть полное моральное право расслабиться. Денек выдался не из легких: Клим играл с судьбой в кости, спасал от смерти «прекрасную даму» – не так уж и мало для отдельно взятого индивидуума, да еще такого безответственного, как он.

При появлении хозяина царившее на лужайке веселье сбавило обороты. На Клима смотрели с жадным интересом, точно ожидали, что он прямо сейчас выкинет что-нибудь этакое. Или уже выкинул...

– Что? – спросил он всех сразу.

– Как там прошло? – Димон, многозначительно ухмыляясь, сунул ему рюмку коньяка.

– Где «там»? – Клим опрокинул в себя коньяк, удовлетворенно хмыкнул. – Не понимаю, о чем ты.

– Он о твоей даме сердца. – Дашка подошла к Климу вплотную, потерлась горячей щекой о его плечо. Вот проходимка!

– И что вас интересует? – Он едва удержался, чтобы не всыпать Дашке за очевидное подстрекательство и внесение смуты в стройные ряды его приятелей.

– Нас интересует, Климушка, намерен ли ты сдержать свое слово и соблюсти условия договора? – Негодница и не думала оставлять его в покое.

– Уже сдержал и соблюл, – отмахнулся он, наливая себе еще коньяка и выискивая взглядом на разграбленном столе лимончик.

Димон и Кушнерев при его словах радостно заржали, словно услышали самую лучшую в мире шутку. Виктор неодобрительно покачал головой. Похоже, друг был единственным человеком, не считая самого Клима, которого вовсе не забавляло происходящее. И только Дашка осталась верна себе.

– Как-то ты быстро управился, Климушка, – сказала со снисходительной улыбкой.

Вторая ее не слишком лестному комментарию, представительницы слабой половины человечества смущенно захихикали.

– Уж как смог. – Клим развел руками. Вступать в глупые перебранки не входило в его планы. В его планы входило напиться, «проредить» оставшиеся на столе закуски, еще разок окунуться в бассейн, может быть, полюбоваться на звезды, а потом просто завалиться спать.

Одному, потому как спать с той дурехой, которую судьба по чистому недоразумению подсунула ему в сердечные подруги, ну, вы извините...

В общем, Климу удалось кое-как отшутиться и отвертеться. Друзья, уже далеко не трезвые, продолжили предаваться милым человеческим слабостям. На лужайке перед бассейном, да и в самом бассейне, воцарился прежний жизнеутверждающий бедлам. Даже вредная Дашка от Клим отстала, лишь изредка одаривала презрительными взглядами. Да что ему, двадцатидвухлетнему зубру, взгляды какой-то малолетней вертихвостки...

Реализуя свою программу-максимум на сегодняшнюю ночь, Клим не заметил, как увлекся. Хорошим коньяком легко увлечься. Именно увлечься, а не бездумно напиться. Теперь парню было по-настоящему хорошо, и звезды на черном бархате неба горели ослепительно ярко, и хотелось слагать вирши в честь их загадочной красоты.

Он еще долго сидел бы вот так, подставив лицо лунному свету, если бы не гости. Гости, которые начали расслабляться на пару часов раньше, чем он, устали. Гости хотели спать. Самые стойкие и самые благоразумные разбрелись по дому в поисках места для ночлега. Самые слабые и неводержанные, в лице Димона и Кушнерева, трогательно обнявшись, уснули прямо под столом. Их залихватский храп вносил диссонанс в лирическое настроение Клим, мешал «единению с космосом»...

...В его комнате было не так чтобы очень темно – полная луна заглядывала в окно, ее свет с успехом восполнял недостаток освещения, – но Клим в своем нынешнем лирическом настроении не заметил лежавшую на кровати женщину. А когда заметил, чертовски удивился.

Нет, он еще помнил, что привел в свой дом девчонку-подкидыша. Помнил, как говорил ей: «чувствуй себя как дома», но сейчас в его постели спала совершенно другая девушка. У этой девушки были такие ноги, что просто – ах! И позвоночник ее изгибался волнительно и призывно. И на поясице с чувственными ямочками дерзко красовалось клеймо в виде трилистника. А на ягодицы, логическое продолжение ног и поясицы, Клим, не отрываясь, смотрел бы целую вечность. Что это? Судьба решила явить ему свою милость, заменила неуклюжую лягушку на царевну?

Клим скользнул взглядом вверх по позвоночнику, рассчитывая насладиться видом девичьей спины, но спину коварно прикрывала его собственная рубашка, измятая, несколько раз перекрученная вокруг тонкой талии. Он даже застонал от досады. Кажется, судьба решила его подразнить, спрятать от глаз все самое интересное.

А он не отступится!

Нет, теперь, когда он увидел эти ямочки и это немыслимое клеймо, он просто перестанет себя уважать, если остановится на полпути и не узнает, насколько хорошо все остальное...

Его судьба спала очень крепко. Или притворялась, что спит. У судьбы были по-детски острые лопатки и трогательная впадинка у основания шеи. Было невыносимо хорошо касаться губами этой впадинки и вдыхать тонкий аромат чуть влажных волос. Он и не догадывался, что на женском теле есть такие целомудренные и одновременно магнетически чувственные места.

Наверное, совершая свои чудесные топографические открытия, Клим увлекся. Потому что его судьба нетерпеливо повела плечом и сделала попытку проснуться: перевернулась на спину, открыла глаза. Глаза были сонными и очень красивыми. В обманчивом лунном свете они казались антрацитово-черными. От дневной легкомысленной синевы не осталось и следа. И лицо оказалось красивое. Из-за чуть раскосых глаз, из-за высоких скул и слишком бледной кожи красота эта не была канонической. Чтобы ее увидеть и оценить, нужен мерцающий лунный свет.

Кажется, судьба решила, что он ей снится – улыбнулась ему чуть удивленно и закрыла глаза. Клим усмехнулся – у него есть пара способов доказать свою реальность этой спящей красавице. И он намерен использовать их все, по очереди...

Ей снился Клим. Клим шептал какие-то смешные глупости и лез с поцелуями. Сон был очень интересный и очень романтический. Ей никогда раньше не снилось ничего подобного. И щекочущее кожу горячее дыхание, и соль поцелуев, и тяжесть чужого тела, и боль... разве во сне бывает больно?..

Его судьба проснулась окончательно. Еще бы она не проснулась, в самый кульминационный момент! Она же красавица спящая, а не мертвая...

Она проснулась, и ей что-то не понравилось. Но Климу уже было недосуг разбираться, почему девушка кричит и царапается. Может, от избытка чувств... так бывает, он знает. В любом случае он уже не сможет остановиться, чтобы поподробнее расспросить свою строптивую судьбу о причинах ее недовольства. Спросит потом...

Алиса знала, что такое бывает. Она даже знала, как это называется. Но, оказывается, она не знала главного – для этого согласия женщины не требуется. Даже если ей тяжело, и больно, и нечем дышать...

Вот он, оказывается, какой, другой мир, – жестокий и равнодушный. А она, дура, так старалась стать его частью...

Ух, как хорошо! Он, матерый двадцатидвухлетний зубр, понятия не имел, что может быть так хорошо. Все-таки он баловень судьбы. Этой ночью судьба не поскупилась на сюрпризы и чудесные превращения. Клим счастливо улыбнулся, перекатился на бок, посмотрел на девчонку.

Она лежала на спине, бездумным взглядом уставившись на лунные узоры на потолке. Теперь, когда он мог не торопиться и позволить себе роскошь рассмотреть ее во всех подробностях, она не казалась ему такой уж волшебно-чувственной. Самая обыкновенная девчонка, просто с высоким потенциалом. Когда-нибудь, если она достанется опытному мужчине, из нее может выйти толк, такого рода магнетизм дорого стоит. Но это в обозримом будущем, а пока – это самая обычная девчонка.

Наверное, нужно было ей что-нибудь сказать, хотя бы «спасибо», но Клим не стал, почувствовал, что ей не нужна его благодарность. Вместо «спасибо» он сказал «спокойной ночи», а она даже не кивнула в ответ, лежала, забросив руки за голову, разглядывала лунные узоры. Она выглядела так, словно ее только что посетило озарение, не слишком приятное, но очень важное. В этот момент Клим понял, что ошибся, потенциал у нее намного выше, чем ему показалось сначала. Ему вдруг захотелось стать тем самым «опытным мужчиной», узнать, а как оно, когда на полную катушку, со стопроцентной отдачей. Но шестое чувство шепнуло – «не сейчас, может быть, утром».

Утром так утром. Он поговорит с этой... черт, он ведь до сих пор не знает, как ее зовут, – завтра, предложит ей что-то вроде покровительства. А пока нужно поспать, уже светает...

Хорошо, что он оставил ее в покое. Если бы он полез с разговорами или, не дай бог, с ласками, Алиса бы не выдержала, сорвалась в истерику. А ей не хотелось, чтобы он запомнил ее вот такой: слабой, рыдающей над своей загубленной девичьей честью. Что уж теперь? Сделанного не вернешь. Кажется, он уснул... Хорошо...

Рубашка сильно измялась, ее бы погладить, да нечем. Алиса аккуратно повесила ее на бортик ванны. Ее собственная одежда была еще чуть влажной, но теперь это уже не имело никакого значения. Девушка вышла на веранду, посмотрела на загорающийся красным горизонт. Скоро наступит утро, и все узнают о том, что она сделала, о том, что с ней сделали. Обязательно узнают, это уже отпечаталось на ее лице, вьелось в кожу...

– ...Надеюсь, ему понравилось, – слышался насмешливый голос.

Алиса вздрогнула, обернулась – в плетеном кресле, забросив ногу за ногу, сидела Даша.

– Ты о чем? – От смущения язык стал сухим и неповоротливым.

Даша закурила, сказала с непонятной горечью:

– Да все о том же. Климу понравилось... быть с тобой?

– Тебя это не касается.

Даша согласно кивнула:

– Он говорил, что ты уродина, долго не желал соглашаться.

– На что соглашаться? – Алиса не хотела спрашивать, но все равно спросила.

Даша ответила не сразу, выпустила колечко дыма, понаблюдала, как оно растворилось в предраассветном тумане.

– Не бери в голову. – Она небрежно махнула рукой. – Просто подружка Клима заболела, и мы поспорили, что он заменит ее первой встречной. Вернее, пятой встречной, любит наш Климушка цифру пять! Ну вот. – Даша сделала драматическую паузу. – Пятой, к его ужасу, оказалась ты. Да ты не переживай. Судя по всему, для него внешность партнерши не имеет решающего значения.

– Какой партнерши? – спросила Алиса шепотом.

– Сексуальной. Какой же еще? – Даша глубоко затянулась и зашлась кашлем.

Все нормально... Все хорошо. Алиса как-нибудь с этим справится. Девушка потеряла виски. Вот она, плата за право узнать, какой он на самом деле, другой мир. Ну и что, что плата слишком велика? Что уж теперь?..

Даша перестала кашлять, достала что-то из кармана джинсов, протянула ей.

– Вот, бери.

– Что это?

– Это деньги, Клим попросил тебе передать. Да бери, бери. Тут сто баксов. На пластическую операцию не хватит, но зато сможешь купить себе какую-нибудь приличную шмотку.

Алиса взяла купюру, повертела в руках, спросила срывающимся от унижения и обиды голосом:

– Почему он сам их не отдал?

– Ну, кто ж его знает? – Даша развела руками. – Может, постеснялся. Он же у нас парень с принципами.

– Да, я понимаю. – Стодолларовая бумажка жгла ладонь огнем, Алиса сунула деньги в карман.

– Хорошо, что понимаешь. – Даша покровительственно улыбнулась. – И вот еще что: езжай-ка ты домой, пока все спят. А то остальные в курсе этой дурацкой затеи. Еще начнут с расспросами приставать. Тебе, наверное, неприятно будет. Тут метрах в трехстах от дома, возле продовольственного магазина, бомбилы кучкуются...

Дальше Алиса не слушала, смотрела на зарождавшийся в небе рассвет и ни о чем не думала. В голове было пусто – спасибо тебе, Господи!

Ворота ей открыл заспанный, ко всему равнодушный охранник. Даже не поинтересовался, куда это она собралась в такую рань. А может, охранник тоже в курсе?..

К магазину Алиса не пошла, направилась к речке. Походила по берегу, посмотрела на стлавшуюся над водой сизую дымку. Зря Клим ее спас. Лучше бы не спасал, не пришлось бы сейчас примеряться, выискивать место поглубже, чтобы уж наверняка...

Ее спугнули рыбаки: не станешь же сводить счеты с жизнью на глазах у посторонних? И вообще, это не выход, это трусость и душевная слабость. Не дождутся! Кто конкретно не дождется, Алиса не знала, но именно эта острая и злая мысль выдернула ее из вязкого мира разбитых иллюзий и душевных терзаний.

На пяточке перед магазином стоял лишь один потрепанный «жигуленок». Остальные таксисты, наверное, еще спали. Да и про хозяина этой машинки ничего нельзя было сказать наверняка, может, он тоже спит.

Алиса присела на самый край покрытой росой скамейки, приготовилась ждать.

– Эй, красотуля! Мы едем или просто отдыхаем?

Алиса подняла голову – прямо перед ней стояла высокая, очень худая женщина в джинсах и растянутом свитере. Женщина курила и рассматривала ее с ленивым интересом.

– Наверное, мы едем. – Алиса нащарила в кармане стодолларовую бумажку, протянула таксистке. – Этого хватит?

Женщина заграбастала купюру, сказала весело:

– Это, красотуля, зависит от того, куда ты хочешь попасть.

– Мне бы в Москву.

– Ну, тогда хватит, и еще останется. – Женщина погасила сигарету, махнула рукой: – Ну, что сидишь? Поехали!

В машине было тепло, намного теплее, чем на улице, пахло дешевыми духами и дешевыми же сигаретами.

– Давай знакомиться, что ли, путь-то неблизкий. – Таксистка протянула узкую, смуглую ладонь. – Я Зинаида, но лучше просто Зинон.

– Алиса. – Она пожала протянутую руку, вымученно улыбнулась. Больше всего на свете ей сейчас хотелось тишины, но ее новая знакомая, похоже, тишины не признавала. Она включила мотор, посмотрела на Алису угольно-черными, азиатского разреза глазами, спросила:

– С дачи едешь?

Алиса молча кивнула.

– Хорошо отдыхалось?

– Лучше не придумаешь. – Она вспомнила, как ей отдыхалось, и громко всхлипнула. Так долго и старательно сдерживаемые слезы неожиданно вырвались наружу. Она ревела, а Зинон молчала, давала ей возможность выплакаться.

Слезы закончились быстро, оставив во рту противный металлический привкус. Алиса вытерла лицо рукавом джинсовки, виновато посмотрела на таксистку. Та прикурила новую сигарету, спросила со странной смесью раздражения и участия:

– Выревелась?

Алиса кивнула.

– Тогда рассказывай.

– Что рассказывать?

– Все по порядку. Я по первой профессии психолог. – Зинон иронично усмехнулась, выпустила струйку дыма. – А по второй – таксистка. А таксисты, они все равно что исповедники. Рассказывай, не бойся. Сама увидишь – легче станет.

И Алиса вдруг доверилась этой странной женщине с грубоватыми манерами, дурными привычками и психологическим образованием, рассказала все: и о приглашении на дачу, и о бассейне, и о Климе, и о своем грехопадении, и о том, что она оказалась той самой дурой под пятым номером.

– А вот этим, – она кивнула на лежавшую на приборной панели сотню, – он со мной расплатился, когда все закончилось.

Зинон покосилась на деньги, коротко кивнула.

– То, что баксы взяла, одобряю. Не хрен тут гордость демонстрировать. Сейчас жизнь такая: или ты ее, или она тебя. А вот все остальное... Знаешь, красотуля, я бы этого так не оставляла, я бы с этими ублюдочными разобралась.

– Пусть живут. – Алиса до боли сжала кулаки.

– Да уж. – Зинон презрительно фыркнула. – Ударили по левой щеке – подставь правую!

– Мой папа тоже так говорит.

– Дурак твой папа! Вот что я тебе скажу – ударили тебя по левой щеке, а ты не теряйся, сразу бей коленом в пах. Вот это и будет высшая справедливость, а все остальное – от лукавого. Если бы твой папанька не забивал тебе голову всякой ерундой, а научил дочурку уму-разуму, объяснил бы, что нельзя доверять первому встречному козлу, ты бы сейчас целее была.

Зинон говорила так убежденно и зло, что Алиса усомнилась в том, что у нее есть психологическое образование. Психолог должен человека успокаивать и поддерживать, а не обучать правилам самообороны.

– Использовали тебя, красатуля, – сказала Зинон, не отрывая взгляда от дороги. – Поматросили и бросили.

Алиса прикусила губу, проглотила колющий ком в горле. Нет, она не обиделась. Что ж обижаться на правду? Просто от этой правды делалось очень больно: внутренности скручивало в жгут, легким не хватало воздуха.

– Ничего, красатуля, – сказала Зинон с невеселой усмешкой. – Одно хорошо – ты теперь точно знаешь, что в этой жизни никому доверять нельзя, даже самой себе. Это знание дорого стоит, уж поверь моему опыту.

Алиса покосилась на свою собеседницу. Да уж, у такой женщины должен быть очень богатый жизненный опыт. Иначе с чего бы этот шальной блеск в глазах и горькая складочка в уголках тонкогубого рта? Сколько, интересно, ей лет? Тридцать – тридцать пять? А работает таксисткой. Разве это женская работа?

– А что ты меня рассматриваешь? – спросила Зинон, не поворачивая головы. – Любопытно, откуда я взялась, такая советчица?

Алиса не стала врать, кивнула. Зинон пошарила в «бардачке», из измятой пачки достала последнюю сигарету, неторопливо прикурила, сказала, все так же не глядя в сторону пассажирки:

– Я, красатуля, не родилась бой-бабой. Когда-то, давным-давно, я была такой же наивной дурой, как ты сейчас. И жизнь меня, бестолковую, в дерьмо головой окунала не один раз, а чуть побольше, пока я, наконец, не поняла, за что страдаю. А вот как поняла, сразу легче жить стало. Слушай меня, красатуля: не повторяй чужих ошибок.

Алиса мало что поняла из этого странного монолога, но Зинон каким-то непостижимым образом удалось вернуть ей спокойствие. Она обязательно подумает над сказанным, сделает выводы, произведет переоценку ценностей. Только не сейчас, сейчас ей хочется закрыть глаза, слушать мерное урчание мотора и низкий, с хрипотцой от беспросветного курения, голос Зинон.

– Своим-то расскажешь? – спросила Зинон.

Не открывая глаз, Алиса покачал головой.

– Почему?

– Родители меня убьют. Это... то, что я сделала, – страшный грех.

– О, как?! – удивилась Зинон. – А если принять во внимание, что это не ты сделала, а с тобой сделали?

– Неважно, это все равно моя вина.

– Лютые у тебя предки, как я посмотрю. Что, шибко верующие?

– Да.

Зинон бросила на нее быстрый взгляд, но от дальнейших расспросов воздержалась.

Разговор возобновился уже на подъезде к Алисиному дому.

– Спасибо вам большое. – Алиса смущенно улыбнулась.

– А мне-то за что? – Зинон пожала плечами. – Как говорится, любой каприз за ваши деньги. Кстати, о деньгах. – Она порылась в пристегнутом к талии кошельке, протянула Алисе четыре десятидолларовые купюры. – Это сдача.

– Мне не нужно. – Алиса испуганно посмотрела на деньги.

– Ну, знаешь, красотуля, мне чужого тоже не нужно. – Зинон сунула баксы в карман ее джинсовки, неожиданно тепло улыбнулась: – Не переживай ты так, перемелется – мука будет. Просто научись давать отпор разным засранцам.

Во дворе было пусто, только собачники выгуливали на детской площадке своих питомцев да устало шаркала метлой дворничиха тетя Маня. Алиса добежала до подъезда, помахала рукой Зинон. В ответ раздался короткий гудок – и на душе у девушки вдруг стало тепло и больно одновременно. Тепло оттого, что судьба в самый критический момент свела ее с такой удивительной женщиной, как Зинон. А больно оттого, что встреча эта оказалась короткой...

Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, Алиса прислушалась. За дверью было тихо. Одно из двух: либо Мелиса еще не вернулась, либо спит без задних лап.

Алиса ошиблась, за дверью ее ждали родители...

Они были похожи на близнецов: одинаковые черные одежды, скрещенные на груди руки, худые лица и фанатичный блеск в глазах. Даже не верилось, что когда-то, давным-давно, они были другими. Что отец мог задорно смеяться и катать их с Мелисой по очереди на шее, и читать им на ночь сказки. А мама не прятала свои роскошные волосы под черным старушечьим платком и пекла невыразимо вкусные пирожки, и почти все время что-то напевала...

– Ты не ночевала дома, – сказала мама, отмахиваясь от ее робкого «здравствуйте».

– Что с твоим лицом и одеждой? – спросил отец, глядя сквозь нее.

За их спинами маячило испуганное, зареванное лицо Мелисы. Значит, сестра вернулась на ночь домой. А вот она, Алиса, старшая и более рассудительная, не вернулась, поддалась искушению, согрешила. Ей показалось, что родители видят ее насквозь, ей даже не нужно ни в чем сознаваться...

– Греховодница! – свистящим шепотом сказал мама.

– Блудница! – вторил ей отец.

– Пророк предупреждал, что дьявол будет искушать не только нас, но и наших детей. – Мама взяла отца за руку. – Он сказал, что мы должны быть крепки в нашей вере.

– Лучше отрезать засохшую ветвь, чем потерять все дерево. – Отец скорбно улыбнулся. – Но Господь милостив, у нас еще есть надежда. – Он обернулся, посмотрел на испуганно прижимавшуюся к стене Мелису. – Ты у нас теперь – единственная дочь.

Мама согласно кивнула, улыбнулась почти нежно. Эта улыбка дико смотрелась на ее отстраненно-холодном лице.

– Да, Пророк предупреждал, но испытаниям не сломить нашу веру, а ты... – Улыбка поблекла, в глазах зажегся фанатичный огонь, Алиса попятилась. – Распутница! Вон из этого дома!

– Но, мамочка. – Она попыталась обнять женщину, которую привыкла считать своей мамой.

– Изydi, нечистая! – Та отшатнулась, торжественно перекрестилась. – У тебя больше нет матери. Я отрекаюсь от тебя! Отрекаюсь!

Отец обнял маму за плечи, посмотрел на Алису с жалостью и брезгливостью, сказал:

– Можешь забрать свои вещи. Мы их все равно сожгли бы. В нашем доме нет места скверне.

Наверное, она спит и видит страшный сон, потому что в реальной жизни такого просто не может случиться. Мужчины не должны забирать любовь силой и расплачиваться за нее зелеными бумажками. Родители не должны отрекаться от детей. Это не по-человечески, это неправильно... этого просто не может быть!..

– Что ты стоишь? Собирайся. – Отец ухватил за руку бросившуюся было к ней Мелису, погладил свою, теперь уже единственную, дочь по голове, сказал ласково: – Ты не должна к ней приближаться, Мила. Скверна заразна!

Мелиса посмотрела на сестру виновато-испуганным взглядом, но перечить отцу не посмела. Алиса ободряюще улыбнулась сестре. Во всяком случае, постаралась, чтобы улыбка выглядела ободряющей. Незачем пугать Мелису еще больше. Она только кажется сильной и отчаянной, а на самом деле еще ребенок. Это ей, Алисе, «посчастливилось» повзрослеть за одну ночь. Упаси, Господь, Мелису от такого «счастья»!

Их общая с сестрой комната вдруг показалась чужой и неудобной. В ней не было ничего, чем стоило бы дорожить. Ну, разве что фотографией, сделанной еще до того, как родители повстречали своего страшного бога. На этом снимке они вчетвером: папа с мамой молодые, счастливо улыбающиеся, они с Мелисой – еще совсем маленькие. Алиса сунула фотографию в карман джинсовки, сложила свои немногочисленные вещи в пакет. Вот и все, теперь она готова...

Дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной, навсегда отсекая прошлое. Сердце болезненно сжалось, но глаза остались сухими. Не оттого, что она такая сильная, а оттого, что еще не осознала всего произошедшего.

На улице было ярко и солнечно. Эта праздничная яркость никак не вязалась с мраком, поселившимся у Алисы внутри. Девушка присела на скамейку, прижала к груди пакет с одеждой. Сейчас самое время подумать о случившемся, принять хоть какое-нибудь решение.

Подумать никак не получалось, мозг точно покрылся ледяной коркой. И мысли в нем ворочались какие-то ленивые и никчемные. Значит, она будет просто сидеть и ждать. Может быть, во внешнем мире что-нибудь изменится: грянет гром, небеса обрушатся на землю и погребут под своими обломками грешницу и распутницу Алису Волкову. И тогда ей ни о чем больше не придется думать.

Гром действительно грянул. Только гром этот почему-то был похож на звук автомобильного клаксона. Алиса встрепенулась, подняла голову. Знакомый «жигуленок» стоял в пяти метрах от нее. И дверца со стороны пассажирского сиденья была приветливо распахнута. А может, это не тот самый «жигуленок», а просто очень похожий? Мало ли в Москве красных «Жигулей»? Зинон просто нечего делать в этом сонном дворе. Зинон нужно «бомбить», зарабатывать на жизнь...

– Эй, красотуля! Сколько мне еще гудеть? – Этот низкий, прокуренный голос мог принадлежать только Зинону.

Алиса встала, сделала нерешительный шаг к «жигуленку».

– Это вы мне? – спросила недоверчиво.

– А ты тут видишь других красотуль? – Зинон смотрела на нее нетерпеливо, зажженная сигарета нервно подрагивала в уголке тонкогубого рта. – Ну, что стала?! Давай садись! – Таксистка приглашающе похлопала по пассажирскому сиденью.

Алиса послушно села, в нынешнем замороженном состоянии ей было абсолютно все равно, чьи приказы выполнять. Она даже не спросила, почему Зинон до сих пор не уехала.

– Проблемы, красотуля? – спросила Зинон, выпуская сизое облачко дыма.

– Проблемы. – Алиса вяло кивнула.

– И в чем их суть?

– Меня выгнали из дому. Папа сказал, что лучше отрубить больную ветку, чем потерять все дерево.

– А ты, стало быть, больная ветка?

– Стало быть.

– И чем заражена?

– Скверной.

– Надо же, скверной! Как интересно! А лечить они тебя не пробовали? Решили сразу к ампутации прибегнуть?

– У них еще есть Мелиса, они за нее боятся.

– А кто у нас Мелиса?

– Моя младшая сестра. – Алиса закрыла лицо руками. Плакать не хотелось, но и смотреть на белый свет не было сил.

– Тебе есть куда податься? – Зинов сменила ироничный тон на деловой.

Алиса покачала головой. У нее была тетя, мамина сестра, но тетя жила в Тюмени и из-за религиозных убеждений родителей отношений с ними давно не поддерживала. Наверное, она не отказалась бы принять Алису, но до Тюмени еще нужно как-то добраться...

– Понятно. – Зинов погасила сигарету, включила зажигание. – Поехали!

– Куда?

– Покатаемся.

Этот расплывчатый ответ удовлетворил Алису целиком и полностью. Все-таки в ее замороженном состоянии были и свои плюсы. Они катались до обеда. Зинов «бомбила», Алиса молча сидела рядом. Ближе к обеду Зинов сказала:

– На сегодня хватит. Теперь займемся тобой, красотуля. Пойдем-ка перекусим. Тут есть хорошее кафе...

Климу снился очень интересный сон: прекрасная незнакомка, клеймо в виде трилистника, чувственная впадинка в основании шеи...

Он расстался с этим увлекательным сном только потому, что реальность обещала быть не менее удивительной.

Реальность его разочаровала: девчонки-подкидыша рядом не было, его рубашка, аккуратно сложенная, висела на бортике ванны. Куда это гостя подевалась? Может, вышла на двор полюбоваться цветами? Она же такая... романтичная.

Клим торопливо оделся. Надо бы найти это чудо до того, как она попадет в лапы кому-нибудь из его дружков. Она же не только романтичная, но еще и страшно наивная и, судя по минувшей ночи, не слишком опытная. Точнее, совсем неопытная. Такую дуреху обидеть – раз плюнуть, а ему почему-то совсем не хочется, чтобы ее обижали. Кажется, он и сам неплохо справился с этой задачей, герой-любownik хренов.

А девчонка-то славная! Если извиниться, цветочки подарить, то, возможно, удастся заморочить ей голову, охмурить, захомутать – в общем, продолжить их знакомство. На роль постоянной подружки она, конечно, не годится, не тот масштаб, но для необременительных, исключительно постельных отношений – в самый раз. Хорошо, что он первым обнаружил заложенный в ней потенциал, стал первооткрывателем, так сказать.

На дворе было безлюдно, только на лужайке под столом крепко спали Димон с Кушнеревым. Клим обошел бассейн, в задумчивости постоял у розового куста.

– Не спится, Климушка? – Дашка материализовалась словно из ниоткуда. Вид у нее был помятый и какой-то несчастный.

– Тебе, как я посмотрю, тоже. – Он потрепал Дашку по голове. В ответ та чуть заметно поморщилась. – А где твоя... эта, как ее?..

– Алька? А она уехала, еще рано утром.

– Как уехала? – Чудесное настроение враз померкло, точно выцвело под яркими лучами утреннего солнца.

– Взяла и уехала. – Дашка саркастически усмехнулась. – Я видела, как охранник открывал ей ворота. А что ты, Климушка, плохо ночью расстарался, не сумел увлечь нашу уродину? – В ее голосе отчетливо слышалась обида. Ну конечно, малышка в него влюблена, а он, чурбан безответственный, не обращает внимания на светлые девичьи чувства, заставляет ее ревновать и злиться. Если бы не обещание, данное Виктору...

– Глупая ты, Дарья, – сказал Клим ласково, – ты же сама мне это безобразие подсунула.

– Может, и подсунула, да только ты не отказался, урод!

– Стоп! – Клим вдруг осенила ужасная догадка. – Дашка, а откуда ты знаешь, что я не отказался?

По тому, как густо она покраснела, он понял, что не ошибся.

– Ты подглядывала?

– Больно нужно! – Она презрительно фыркнула, но на всякий случай попятилась. – Я просто курила на веранде, а вы так... шумели. Что ты делал с этой уродиной, Климушка?

– Я тебе расскажу. Потом... если захочешь, – сказал он с угрозой в голосе. – Но сначала ответь, кто дал тебе право за мной шпионить? Или ты еще маленькая, не понимаешь, что у взрослых людей есть личная жизнь?

– Я не маленькая! – Даша сорвалась на крик. – Я давно уже не маленькая! Просто ты, дурак, этого не замечаешь. – Она с силой толкнула Клим в грудь, бросилась к дому.

Он не стал ее догонять, досадливо поморщился.

– Все беды из-за баб, – сообщил Клим розовому кусту...

* * *

– Я не смогу. – Алиса с мольбой посмотрела на свою благодетельницу.

– Сможешь! – Зинов сгребла со стола грязную посуду, закурила. – Мы уже сделали половину дела, остались сушие пустяки.

– Зинов, я не смогу!

– Сможешь!

– А если он не согласится?

– Согласится, красотуля, можешь не сомневаться. Разумнее принять наши условия, чем загреметь на нары.

– А может, лучше... – Алиса закусила губу.

– Не лучше, – оборвала ее женщина. – Мы ведь уже все обсудили. Слушай, тебе что, его жалко?

Под пристальным взглядом угольно-черных глаз Алиса смутилась.

– Жалко, – сделала вывод Зинов. – А ты перед тем, как в следующий раз пожалеть его, вспомни, что этот урод тебя изнасиловал.

– Он не...

– Ты хотела спать с ним? – жестко спросила Зинов.

– Нет, но...

– Он спрашивал твоего согласия?

– Нет.

– Ну вот, что и требовалось доказать, красотуля, принуждение к сексу называется изнасилованием. И за это предусмотрено нешуточное наказание. Тем более, что ты несовершеннолетняя.

– В августе мне исполнится восемнадцать. – Алиса встала из-за стола, отошла к настежь открытому окну.

– Еще не август! – Зинов сердито взъерошила волосы. – Думай, красотуля! Думай! Для тебя это единственный реальный шанс встать на ноги. И ты будешь законченной дурой, если егопустишь. Все, я на работу. – Она погасила недокуренную сигарету, заграбастала с подоконника початую пачку, в упор посмотрела на Алису: – Вечером я жду окончательного ответа.

Зинов вышла из кухни, через минуту громко хлопнула входная дверь. Алиса, за неделю так и не привыкшая к импульсивности своей новой знакомой, вздрогнула.

Это была странная неделя, самая необычная и самая сумасшедшая за всю ее семнадцатилетнюю жизнь. Зинов не бросила ее на улице, притащила в свою двухкомнатную квартиру на окраине.

– Вот моя берлога, – с гордостью заявила женщина, едва переступив порог. – Тут слегка не прибрано. – В ее голосе не слышалось ни тени смущения из-за царившего в квартире кавардака, только констатация факта. – Я так привыкла. Да и некогда мне, работаю с утра до ночи. Но ты, если что, можешь навести здесь порядок, я обижаться не стану. – Зинон сбросила кроссовки, нетерпеливо посмотрела на топчущуюся у порога Алису. – Ну, что стоишь, красотуля? Бросай свои манатки, раздевайся. Походишь пока босиком, тапок у меня для гостей не предусмотрено.

Алиса аккуратно поставила пакет с вещами в углу крошечной прихожей, прошла в гостиную.

– Присаживайся. – Зинон сгребла с продавленного дивана ворох одежды. – Разговоры разговаривать будем, думать, как тебе жить дальше.

Предложение было очень рациональным и очень практичным. Оно сводилось к одному – «нужно развести этого урода на бабки».

Алиса не сразу поняла, что это означает, но Зинон все очень доходчиво объяснила:

– Все твои беды, красотуля, из-за чего? Из-за дремучей наивности! Но даже не это главное. Тебе не повезло, ты нарвалась на подонка. Он тобой попользовался и вышвырнул за дверь без выходного пособия. Сто баксов не в счет, это сущие пустяки. А потом тебя, дуреху, бросили любимые родители. Это тоже некрасиво, но, как я понимаю, повлиять на твоих чокнутых стариков у нас нет никакой возможности. И не смотри на меня так, красотуля! Даже кошка своего котенка одного не бросит, а тут родная мать! Я вот подумала – и придумала. Мы сейчас быстренько едем к моему знакомому гинекологу. Она проводит осмотр, устанавливает факт изнасилования, берет необходимые анализы, дает нам соответствующие бумажки. После этого можно переходить к активным боевым действиям...

Визит к гинекологу Алиса запомнила плохо. Помнила, что от стыда ее мутило, что несколько раз она порывалась уйти, но ее останавливала Зинон:

– Сиди, дуреха! Я знаю, что делаю. Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек. Сиди, от тебя не убудет.

С нее не убыло, но сил не осталось ни душевных, ни физических. К вечеру Алиса уже плохо понимала, где она и чего от нее хочет неугомонная Зинон. Девушка отказалась от ужина, рухнула на скрипучую раскладушку и отключилась до самого утра. А утром благотельница ознакомила ее со своим гениальным планом.

План сводился к одному: с помощью угроз и шантажа вытянуть из Климата деньги. Десять тысяч долларов. Астрономическая сумма... Зинон бралась осуществить «техническую» часть операции: выяснить адрес Климата, узнать его привычки и номер телефона. Каким именно образом она собиралась это сделать, Алиса не знала и знать не хотела. Особенно в свете того, что самая грязная работа по «разведению на бабки» отводилась именно ей. В этом вопросе Зинон была категорична:

– Ты должна сделать это сама, красотуля. Учись держать удар и не спускать обиды. Он тебя оскорбил, использовал и выбросил, а перед этим над тобой вдоволь поизмывались его дружки. Тебя, как котенка несмышленного, чуть не утопили в бассейне! И ты хочешь оставить это безнаказанным? Чтобы эти мажоры испоганили жизнь еще не одной такой доверчивой дурехе? Алиса, я помогу тебе лишь при условии, что ты изменишься, перестанешь быть такой рохлей. Я не занимаюсь благотворительностью, и мне не нужен балласт в виде затюканной бесхребетной девахи. Если у нас все выгорит, мы знаем как с тобой развернемся?! Только для этого тебе придется постараться. Ну, разозлился же как следует!

Разозлиться не получалось, как Алиса ни старалась. Она боялась предстоящего безумно, до дрожи в коленках. А еще она не верила, что у них с Зинон может что-нибудь получиться. У Климата наверняка очень влиятельные родители. Они не допустят, чтобы их любимого сына шантажировала какая-то девица.

– Правда и закон на твоей стороне, – уговаривала ее Зинон. – Если дело дойдет до суда, у нас есть неопровержимые доказательства.

– А дело может дойти до суда? – Алиса испугалась еще сильнее. Хотя куда уж сильнее!

– Если ты поведешь себя правильно, до суда дело не дойдет. Нам ведь не нужна его шкура, нам нужны только его деньги.

– Но десять тысяч долларов – это же очень много!

– Не много! Считай, что ты их уже отработала на той даче. Все, закрыли тему!

На подготовительную часть ушло меньше недели, Зинон оказалась на удивление проворной. Она узнала о Климе практически все: начиная с его гастрономических пристрастий, заканчивая любимой маркой автомобилей.

– Все просто, красотуля! Расторопность – раз. Острый ум – два. Но главное – связи. Охранник панкратовской дачки оказался моим старинным приятелем. Мы с ним хорошо так посидели, под сто грамм он мне все рассказал. В общем так, красотуля, час «Х» назначаем на утро субботы. У этого козла на субботу запланирована рыбалка. На речку он пойдет один, потому что никто из его дружков этим делом не увлекается. Место я тебе покажу. Там очень уединенно, вашему разговору никто не помешает.

– Ты со мной не пойдешь? – на всякий случай спросила Алиса, уже зная ответ.

– Нет, красотуля! Ты пойдешь одна.

Над заводью плыл туман. Вода была теплой, как парное молоко. Клим не устоял перед искушением – окунулся.

Эх, любит он рыбалку! За эти уединенность и безмятежность, за редкую возможность побыть наедине с самим собой и своими мыслями. Сегодня выдался тот благословенный день, когда в голове Клима не было вообще никаких мыслей, во всяком случае, серьезных. Так, необременительная чепуха: образы, обрывки приятных воспоминаний.

А вспоминал он по большей части девчонку-подкидыша. Царапнула она его закаленное мужское сердце. Клим даже подумывал ее разыскать. Не через Дашку, нет. После той памятной вечеринки Дашка дуется и на контакт не идет. Можно пойти другим путем – узнать у Виктора, по каким дням у его обидчивой сестрицы занятия в инязе, и отловить там свою зазнобу...

...За спиной что-то хрустнуло, отвлекло от приятных размышлений, Клим неторопливо обернулся и присвистнул от удивления. Оказывается, медитируя на бережке, он достиг той стадии просветления, когда фантазии обретают плоть.

– Доброе утро, – вежливо сказала наваждение и рассеянно посмотрело на свои босые ноги.

Клим тоже посмотрел. Этим утром выглядела она как-то иначе. Может быть, оттого, что вместо допотопной плиссированной юбки на ней были джинсы. Простенькие, но вполне современные. Правда, со своей джинсовкой распрощаться она пока не решалась, куталась в нее, словно на дворе стояла студеная осень, а не теплое летнее утро.

– Привет! Ты ко мне?

Девчонка молча кивнула.

– Тогда иди сюда. – Клим похлопал по расстеленному на песке покрывалу. – Присаживайся. А как ты меня нашла?

Девчонка проигнорировала вопрос, присела рядом. По-другому выглядела не только ее одежда, но и лицо. За те несколько недель, что они не виделись, девчонка успела повзрослеть. Он сразу это почувствовал по сосредоточенному взгляду, по напряженной морщинке между бровями, по не по-детски серьезной складочке в уголке рта. Думать, что причиной такого стремительного взросления стал он сам, не хотелось. В жизни каждой девочки рано или поздно случается первая ночь и первый мужчина. И он, Клим Панкратов, еще не самый худший вари-

ант. К тому же она не дала ему возможности оправдаться, сбежала, не оставив даже прощальной записки. А он, может быть, страдал...

– Ты тогда так быстро исчезла, как предрассветный туман. – Клим решил, что такой девушке, как эта, хрупкой и неискушенной, должна понравиться лирика. – Я тебя искал.

На мгновение ее губы изогнулись в саркастической улыбке, и он вдруг понял, что лирика не пройдет.

– У меня были неотложные дела.

– В шесть утра?

Она равнодушно повела плечом.

– А сегодня зачем пришла? – Он вел себя неправильно. Чувствовал, что изначально взял не тот тон. С этой девочкой не надо было ерничать, следовало просто извиниться, сразу же после того, как она сказала «доброе утро». Но теперь уж что?

– У меня к тебе дело. – Девочка перестала рассматривать свои припорошенные песком ступни, сделала глубокий вдох, точно собиралась через секунду нырнуть в воду, посмотрела Климу в глаза. Оказалось, это трудно – выдержать ее отстраненный, кристально-прозрачный взгляд. Настолько трудно, что по спине побежали мурашки, а бьющаяся на крючке рыбка утратила прежнюю актуальность. Вот он, ее потенциал! Разворачивается, раскручивается с невероятной силой! А губы ее близко-близко, и горькую складочку в уголке хочется разгладить поцелуем.

Он и разгладил, не смог удержаться. Девчонка забилась, как пойманная рыбка, и вновь стала маленькой и испуганной. Клим сделал над собой усилие, отстранился. А она вытерла губы рукавом джинсовки, и ему вдруг стало обидно, что с его поцелуем обошлись так небрежно, стерли, словно грязную кляксу.

– Что тебе нужно? – Он даже не старался, чтобы голос звучал вежливо, и закипающую в душе ярость не собирался маскировать и удерживать. После того, как она стерла его поцелуй...

– Мне нужны деньги. – Девчонка резко встала. Теперь она смотрела на него сверху вниз.

– Деньги?! – Клим не верил своим ушам. – Сколько?

– Много. – Она на секунду замолчала. – Десять тысяч.

От неожиданности он даже рассмеялся.

– Десять тысяч рублей?! А не слишком ли дорого ты оцениваешь свои услуги?

Пока он смеялся, ее лицо опять изменилось, стадо равнодушно-холодным, как у каменного изваяния.

– Вы меня неправильно поняли, – сказала она тихо. – Мне нужно десять тысяч долларов. Это было слишком. Это был уже явный перебор. Что возомнила о себе эта пигалица?!

– За какие заслуги, позволь спросить? – Клим тоже встал. Теперь уже он смотрел сверху вниз.

– Это не за заслуги. – Девчонка отступила на шаг. – Это в качестве моральной компенсации.

– Какой, какой компенсации?! – Надо же, а он еще собирался перед ней извиняться!

– Вы меня изнасиловали. – Девчонка больше не смотрела в его сторону, отвернулась к реке.

– Ты считаешь, что изнасилование выглядит именно так? – Клим понизил голос до зловещего шепота.

– Так считает мой адвокат.

Адвокат, изнасилование... Вот оно что! А он-то, дурак, считал эту стерву невинной овечкой. А она никакая не овечка. Она расчетливая, беспринципная сука! Сейчас еще окажется, что не было никакой случайной встречи, что эта маленькая дрянь заранее все спланировала. Может, даже договорилась с Дашкой, с той станется...

– А если я откажусь платить? – Ему стало интересно, какие у нее планы.

– Если вы откажетесь платить, я пойду в милицию.

– И в милиции тебе вот так прямо возьмут и поверят! У тебя же нет никаких доказательств!

– У меня есть доказательства. – Девчонка сунула ему в руки какие-то бумажки. – Если возникнет острая необходимость, можно будет провести генетическую экспертизу. Необходимый... – Она запнулась. – Необходимый биологический материал я следствию предоставлю.

Вот даже как! Клим смял ксерокопии справок. Теперь совершенно ясно, что это точно не спонтанное решение смертельно оскорбленной девственницы. Это спланированная акция. Вот почему она так быстро слиняла – полетела к гинекологу, сдавать «биологический материал», запастись справочками...

Клим считал себя уравновешенным человеком. Оказалось, он плохо себя знал. Оказалось, что ярость – это неотделимая часть его «Я».

– Значит, ты собираешься сообщить ментам, что я тебя изнасиловал? – спросил он.

– Да. – Она не расслышала угрозы в его голосе. Глупая, жадная сука...

– В таком случае мне все равно нечего терять. Одним разом больше, одним меньше...

Она отбивалась, кричала и царапалась, даже укусила его пару раз, но куда уж ей?! Она, конечно, хитрая и расчетливая, но она всего лишь женщина...

Это был самый ужасный секс в его жизни: ненужный, со скрипом песка на зубах, с горечью полыни, со стойким ощущением, что жизнь летит ко всем чертям...

Клим не стал смотреть, как она приводит себя в порядок, как торопливо, путаясь в рукавах, надевает свою ужасную джинсовку. Зашел по колено в реку, плеснул воды в пылающее лицо, сказал, не оборачиваясь:

– Я не дам тебе ни копейки, но я готов оплачивать твои услуги в розницу.

Девчонка долго молчала – он уже решил, что она ушла, – а потом заговорила срывающимся от ярости голосом:

– Я передумала. Десять тысяч... этого мало. Теперь ты заплатишь мне двадцать!

– Пошла к черту! – Он так и не обернулся. Незачем ему смотреть на эту маленькую дрянь. И не боится он встречаться с ней взглядом, просто не хочет.

– Двадцать тысяч в течение недели, или...

– Или что? – Все-таки он обернулся. Девчонка смотрела куда-то за линию горизонта. Наверное, прикидывала, как потратить его деньги. Стерва... – Может быть, ты не в курсе, но, как правило, секс между мужчиной и женщиной происходит по обоюдному желанию, и твои... – он брезгливо поморщился, – биологические материалы ничего не значат.

Она перевела взгляд на него, сказала жестко:

– Это не наш с тобой случай. Во-первых, об обоюдном желании речь не идет. – Она надолго замолчала, уставилась на песок у своих ног.

– А во-вторых? – не выдержал он.

– А во-вторых, я несовершеннолетняя. Думаю, суд примет во внимание этот факт.

Черт! Черт!! Черт!!! Как он об этом не подумал?! Это все осложняет...

– Я дам тебе неделю.

Если эта маленькая шантажистка и поняла, что он у нее на крючке, то виду не подала. По ее застывшему лицу вообще было непонятно, о чем она думает. Просто сфинкс египетский, а не женщина. Сердце кольнуло – а все-таки жаль, что у них все так получилось. Было бы интересно приручить сфинкса.

«Прекрати! – одернул он себя. – На такой прожженной бестии можно все зубы обломать. Ее невинность и неопытность – это всего лишь ловко состряпанная мистификация. И то, что она еще несовершеннолетняя, ничего не меняет».

– Через неделю я жду твоего ответа.

– Где мы встретимся? – Это был первый шаг к капитуляции, они оба это понимали.

Девчонка пожала плечами:

– Можно на этом же месте.

– Тебе понравилось? – Клим криво усмехнулся.

Она дернулась, точно от пощечины, сжала кулаки, а потом улыбнулась широко и безмятежно, словно он сделал ей комплимент.

– Мне понравилось чувствовать себя богаче на двадцать тысяч долларов.

– Уже чувствуешь? Не рано ли?

Ее улыбка стала еще шире. В этот момент Климу захотелось придушить или утопить эту девушку.

– В десять утра, ровно через неделю, я буду ждать тебя на этом же месте. С деньгами, – добавила она.

– Ты уверена, что у меня есть такие деньги? – спросил Клим.

– А ты уверен, что мне хотелось, чтобы ты меня насиловал? – парировала она. – Все, мне пора...

– Подожди! – Он поймал ее за рукав джинсовки. – Последний вопрос.

– Я тебя слушаю. – Она повела плечом, стряхивая его руку. – Только быстро, у меня мало времени.

– Это все Дашка?

– Что Дашка?

– Это она тебя надоумила?

Девчонка вдруг расхохоталась. Она хохотала так звонко и безудержно, словно он сказал что-то очень уморительное. Даже слезы на глаза навернулись; а отсмеявшись, посмотрела на Клима со смесью удивления и жалости:

– Эта глупая кукла здесь совершенно ни при чем. Ты сам меня надоумил, Клим Панкратов!

Он так ничего и не понял. Стоял и смотрел, как уходит девочка-сфинкс, мастерица загадывать загадки.

Алиса боролась со слезами до последнего – нужно было уйти красиво, с достоинством, чтобы этот негодяй ни о чем не догадался. Она дала себе волю только минут через десять: рухнула в колючую луговую траву, завывала в голос.

Взросление давалось нелегко. Взросление перекраивало душу, дробило кости, не позволяло вздохнуть полной грудью. Когда кончились слезы и голос охрип от крика, она переродилась – сбросила старую кожу, приняла условия другого мира. Теперь она стала его частью. Теперь она заставит остальных с собой считаться...

... – Красотуля, что так долго? – нетерпеливо спросила Зинов. Земля вокруг «жигуленка» была усыпана окурками. – Он согласился?

– Он согласится. Дай мне сигарету.

Ее самая первая в жизни сигарета была горькой как полынь, но Алиса докурила ее до конца, даже ни разу не закашлявшись. Она теперь – совсем другой человек. А через неделю они с Зинов станут богаче на двадцать тысяч долларов...

– ...И теперь у меня только два выхода: либо отдать этой сучке деньги, либо послать ее ко всем чертям и загреметь на нары. Вот так. – Клим опрокинул в себя коньяк, страдальчески посмотрел на друга. С Виктором они уже полночи сидели в клубе, держали военный совет.

– Ну, предположим, на нары ты не загремишь. – Друг успокаивающе похлопал его по плечу. – Твои родители этого не допустят.

– Какие родители?! – взвился Клим. – Если родители об этом узнают, мне конец!

– И что ты намерен предпринять?

- Намерен выкручиваться самостоятельно.
- У тебя есть такие деньги?
- Есть. Не зря, оказывается, отец с первого курса заставлял меня горбатиться на ниве банковского дела. Скопил за пять лет кое-что на черный день, будь он неладен. Вот сука, а?! Ну кто же мог подумать, что эта серая мышка окажется пираньей?!
- Ты знаешь, Клим, мне в это как-то до сих пор не верится, – Виктор покачал головой.
- Во что тебе не верится? В то, что она была мышью, или в то, что превратилась в пиранью?
- Да не производит она впечатление прожженной стервы. Вспомни, как она в бассейне тонула.
- Просто хорошо маскировалась. А бассейн? Может, она и в самом деле плавать не умеет? Эх... – Клим сжал виски руками. – Какого хрена я полез ее спасать?! Сейчас бы не было никаких проблем.
- А у меня другой вопрос, – усмехнулся Виктор. – Какого хрена ты потащил ее в койку, если она серая мышь?
- Ну... – Клим задумался. – Во-первых, я был пьян, а во-вторых, никакая она не мышь.
- Конечно, она пиранья.
- Она – оборотень! В постели она знаешь какая была?! Я даже подумывал ее в штатные любовницы записать, а она мне такую свинью подложила!
- Что-то я тебя не пойму, то она у тебя мышь, то пиранья. То девственница, то вакханка. Определись, друг.
- А она все это вместе, – простонал Клим, – да еще и сука в придачу...
- В общем, уникальная женщина, – подытожил Виктор.
- Тебе б такую уникальную!
- Я б не отказался. Может, поделишься адресочком?
- У сестрицы своей спроси адресочек! Это ж она мне такой подарочек подсунула!
- Клим, будь объективен. – Виктор разлил коньяк по рюмкам. – Это не Дашка тебе ее подсунула, это ты сам ее выбрал, согласно своим нумерологическим пристрастиям. Это твоя судьба номер пять.
- Глаза б мои не видели эту судьбу, – отмахнулся Клим. – Кстати, Виктор, ты бы, в самом деле, поговорил с Дашей, может, она нам что-нибудь полезное расскажет об этой проходимке?
- Уже разговаривал. Даша толком ничего не знает. Говорит только, что зазноба твоя больше на занятиях не появляется. И вообще, она мутная какая-то, вроде сектантки.
- Сектантка! – Клим воздел глаза к потолку. – Она еще и сектантка! Час от часу не легче!
- А что? Вполне вероятно. Ты же сам видел, как она была одета. Это даже не «Second hand», это раскольничий скит какой-то. Может, она денежки из тебя «на нужды партии» тянет? Принесла себя в жертву во имя веры.
- Да пошел ты! Мне и без того хреново.
- Когда вы с ней встречаетесь? – Виктор моментально перешел на деловой тон.
- Послезавтра, у реки. Тяга у нее, понимаешь ли, к воде.
- Ты у нее паспорт потребуй. Вдруг она никакая не несовершеннолетняя? Может, ей уже под тридцать, а она все под малолетку косит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.